

Э. С. РАДЗИНСКИЙ

Иван IV Грозный

ИОАНН МУЧИТЕЛЬ

Еще в сталинские времена наш знаменитый антрополог и скульптор академик Герасимов, восстанавливавший лица по черепам, задумал вскрыть гробницу царя Ивана Грозного. Герасимов хотел не только воссоздать портрет легендарного царя, но ответить на вопрос: *как* он умер? Был ли он убит, как гласила легенда, или, говоря словами поэта, «к стыду людей, он умер сам»?

Но не захотел Сталин. То ли бывший ученик духовной семинарии не забыл историю с гробницей Тимура (когда через три дня после вскрытия тем же Герасимовым могилы, как и предупреждали старики узбеки, началась война — Гитлер напал на Россию) и теперь избегал нарушать покой царей-демонов, то ли, что скорее всего, попросту не захотел тревожить покой любимого героя.

Грозный царь воистину был любимцем грозного диктатора. Сталин несколько раз посещал *его* могилу в склепе под алтарем Архангельского собора. Общеизвестна история Эйзенштейна: Сталин осыпал милостями великого режиссера, когда тот снял фильм-панегирик Ивану Грозному, и пришел в ярость, когда Эйзенштейн во второй серии посмел не воспеть его как должно...

Занимаясь биографией Сталина, среди книг его библиотеки я нашел пьесу А. Н. Толстого об Иване Грозном. В страшные дни войны, когда немцы рвались к Москве, попала к нему на стол эта пьеса... Прочитав ее и, видимо, о чем-то раздумывая, Сталин несколько раз написал на задней стороне обложки одно слово — «Учитель».

Учитель... но в чем?

Ответ казался простым: грозный царь истребил множество бояр. И Сталин истребил партийных вельмож, которых часто называли «боярами» (как писал поэт: «А вы, кремлевские бояре из белостокских корчмарей...»).

Но чем дальше я писал эту историю, тем яснее понимал: дело не только в уничтожении бояр... Сталинская любовь к Грозному связана с неким важнейшим вопросом, который когда-то задал наш великий историк Карамзин. И ответ на который скрывает история самого загадочного и самого кровавого из русских царей...

Однако о карамзинском вопросе потом. Сначала о царе...

Его гробницу вскрыли уже после смерти Сталина — в 1963 году.

На смертном одре царь Иван принял схиму — высшую ступень монашества — и в гробу лежал в рясе и куколе.

Герасимов восстановил лицо по черепу, и старик с хищным крючковатым носом и сладострастным, презрительным «карамазовским» ртом глянул из небытия...

ДВА ИВАНА

«Тело изнемогло... болезнует дух... раны душевные и телесные умножились, и нет врача... Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого... Отплатили мне злом за добро и ненавистью за любовь...».

Кто так жалуется — страстно и возвышенно? Кто этот одинокий страдалец, столь несправедливо обиженный?

Это наш герой, царь Иван Васильевич, который всего за два года до этих слов истребил великий город Новгород. Да что город — целый край опустошил! Младенцев привязывали к матерям и топили в Волхове... А жалостливые слова эти он написал в своем завещании, и обращены они прежде всего к любимому сыну, которого он... тоже убьет!

Но первые тринадцать лет его правления были благодетельны — великая пора в нашей истории! Остальные двадцать с лишним лет — кровь и террор, избиение народа, будто царя подменили, будто дьявол вошел в него...

Темна до него история московских правителей — безликих теней, тускло отраженных в летописях... Он первый заговорил.

Он оставил множество писем, в которых — его голос, его шутки, его проклятия. Так что он сам, царь Иван Четвертый, и поведет нас по собственной истории.

ИЗ ТЬМЫ АЗИИ

Легенда, естественно, утверждает: когда он родился, гремела гроза. И гроза действительно гремела, но очень далеко от каменного дворца, выстроенного его дедом на месте ветхих деревянных хором московских царей...

По всей Западной Европе грохотали пушки, пустели храмы, священники брались за мечи, воздвигались эшафоты, шли религиозные войны. Реформация — Лютер, Кальвин, папские проклятия... Европе уже было явлено чудо Нового Света.

А где-то там, на Востоке, где обрывалась европейская цивилизация, из загадочной тьмы Азии перед изумленной Европой воздвигался другой «новый свет» — колосс-Россия...

Отец Ивана Василий долгое время был бездетен. «С печалью и слезами», как напишет летописец, смотрел он на гнезда, где резвились птенцы.

И эта «любовь к птенцам во гнездах» заставила его заточить в монастырь бездетную жену Соломониду, откуда она прокляла и его, и будущее его потомство... Жаждающий «птенцов».

Василий женился на молодой красавице Елене Глинской, дочери литовского вельможи, «переехавшего» (точнее, перебежавшего) от польского короля к московскому правителю.

Такие «переезды» туда и обратно долгое время были в обычае. Боярство при тогдашнем московском дворе напоминало, как сказал историк, «каталог этнографического музея», где были представлены русские, немецкие, греческие, татарские и литовские имена... Потомками литовского князя Гедиминаса были князья Мстиславские, Голицыны, Куракины, Хованские, Патрикеевы — длинен будет список Гедиминовичей... Выходцами из Литвы были и Милославские. Потомками «выехавшего из Прусс» Андрея Кобылы были Романовы и Шереметевы, от другого «мужа честна из Прусс» происходили Салтыковы и Морозовы. А сколько знатных татар выехало из Орды на службу к московским Государям — от них произошли княжеские роды Урусовых, Юсуповых, Апраксиных... Но уже при отце Василия бояре были прикреплены к Московскому княжеству клятвой и целованием креста — служить только московскому Государю...

Василий пугал двор своей любовью к новой жене: он даже пренебрег священной в Московии бородой — сбрил ее, чтобы быть приятнее молодой чужестранке. И старцы в заволжских монастырях объявили блудом брак Великого князя.

Елена не обманула его ожиданий — родила ему сына. Его назвали Иваном в память о великом деде. Иван Четвертый...

Но «любитель» птенцов Василий недолго наслаждался своим новым гнездом. Сбывалось проклятие Соломонида — Василий умер, когда мальчику было всего три года. Никогда Русь не знала такого малолетнего царя.

Правительницей стала его мать. Через полтысячи лет после легендарной княгини Ольги женщина, да еще и чужеземка, стояла во главе Московского государства...

В начале правления вдовствующей Великой княгини вернулось было забытое своеволие бояр и князей, начались заговоры... Елена действовала так, как учил Василий: в темницу были брошены все претенденты на престол — и родной брат ее покойного мужа Юрий, и ее собственный дядя Глинский. И другой брат Василия, Андрей Старицкий, отправился в заточение, где зачах в оковах. В темнице сидели: Рюрикович — князь Андрей Шуйский, и потомок Гедимины — князь Вельский. Все короче становился путь между дворцом и тюрьмой, все многолюднее... Опалы следовали одна за другой, в ссылки отправились знатнейшие бояре. И страх вернулся во дворец.

Делами заправлял любовник Елены — князь Телепнев-Оболенский. И боярам надо было угождать могущественному фавориту...

Все хотели перемен. Так что уже через пять лет после смерти Василия «юная летами и цветущая здоровьем» Елена вдруг умерла. Опять говорили о проклятии Соломонида, но это был боярский яд...

Почти через пятьсот лет в ее останках найдут многократно повышенное содержание ртути. И череп красавицы с чудом сохранившимися рыжими волосинками поведаст ее тайну...

Когда мать хоронили, восьмилетний царь-сирота плакал и прижимался в страхе к назначенному матерью опекуну — Телепневу. Но уже через неделю князь сидел в подземной темнице.

Его оторвали от плачущего маленького Ивана... Князя, перед которым еще вчера заискивали, которому доносили друг на друга, бояре приказали не кормить.

На свободу вышли все опальные князья, проделав столь же частый в те времена обратный путь — из тюрьмы во дворец. Боярский клан князей Шуйских — как и московские владыки, они вели свой род от князя Александра Невского; князья Пенковы, ведущие род свой от ярославских великих князей; Милославские и Патрикеевы — вновь заседают в Думе. Вернулись во дворец и князья Вельские —

с мечтою вернуть свои уделы: Вельск и Рязань, оружием присоединенные к Москве. Мечта о прежней удельной Руси вернулась...

Но все они слишком ненавидят друг друга, чтобы объединиться и свергнуть малолетнего Ивана... И исходят в яростных спорах в Думе о боярской чести, о «местах» и об «отечестве» — кто выше на темной родословной лестнице. Спорят до мордобития — по щекам бьют друг друга, рвут бороды... И — воруют! Нагло и открыто воруют, грабят области, отданные им в «кормление».

«Кормление» — великий обычай, с него начинается тысячелетнее воровство русской бюрократии, навсегда засевшее в ее генах. Боярин, назначавшийся наместником московского Великого князя, должен был «кормиться» за счет управляемой им области. По прибытии он получал от жителей первый взнос под названием «кто сколько может» — и попробуй ему не дать! Как липку обдирали управляемых, беспощадно. Куда хуже татарского ига были для народа эти «кормления»! Князь Андрей Шуйский, «аки лев кровожадный», обобрал до нитки богатый Псков — так, что в городе не стало ни богатых, ни бедных, все были нищие. Но захватившие власть Шуйские не только обирали население — они открыто грабили и царскую казну...

В небрежении, в дальних комнатах дворца растет забытый отрочок, но он все видит, все запоминает. И опишет потом свое жалкое сиротство: как воровали Шуйские царские золотые сосуды и перечеканивали на них свои имена... Запомнит и жалкую шубу, в которой впервые увидел Андрея Шуйского, — ветхая была, зато потом в какой роскошной шубе хаживал князь — из царских кладовых украденной! И то, как, унижая мальчика, клал Иван Шуйский ноги на кресла, где сиживал его отец, как садился на кровать, где он умер... Все запомнит мальчик, которого (как и многих будущих кровавых диктаторов) горько унижали в детстве.

Он уже знал: это они отравили его мать, они отняли у него кормилицу Аграфену и постригли ее в дальний монастырь только потому, что она была сестрой несчастного Оболенского. И самого князя, любившего его, они в оковах голодом заморили.

Кровь вокруг... Кровь и Власть.

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ

С трех лет, после смерти отца, он уже присутствовал на приемах послов — маленькая кукла в царском одеянии. И первое его детское видение: он — повелитель... смиренные поклоны... И сейчас, после

смерти матери, бояре по-прежнему выводят его к послам, надев на него дорогие одежды, чтобы потом отправить в темноту и холод нетопленных покоев. Они дрова и свечи ему жалели...

Но не заметили бояре среди своих драк — кукла-то выросла! Теперь это был высокий отрок с тонким крючковатым носом и смуглым лицом — наследство византийских предков.

Он много читал. И станет образованнейшим государем в Европе. Первое, что он усвоил: князья и бояре — воры, ограбившие не только его казну. Они посмели похитить власть, от Бога данную его роду.

Он твердо выучил: с изначала земли русской род его пришел спасти этот народ от боярской смуты. Великие воины варяги... Не силой взяли они эту землю: силой не вышло, словене, весь, чудь и кривичи отбились. А потом сами пришли к его предкам и позвали — править.

Загадка? Лишь для тех, кто не рожден на Руси. Бояре и князья так ненавидели друг друга, так изводили народ поборами и распрями, что люди собрались и решили просить прийти его предков: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите княжить и володеть нами». И князь Рюрик из племени русь с братьями и дружиной пришел... И местные князья были рады: пусть лучше чужой правит, но только не один из них.

Великое потомство дало Рюриково древо! Но бесчисленные потомки заболели местной болезнью — ненавистью друг к другу. И порядок исчез. Они разбили Русь на многие княжества и начали великую битву друг с другом. И когда пришли татары воевать русскую землю, Рюриковичи, братья по крови, радовались бедам друг друга...

Только великая власть могла обуздать хаос, воровство и грабеж, сдерживать орды, идущие из Азии. И власть эта родилась, в Москве, в великом городе, которому дано было вновь собрать Русь. И сделали это его прадеды и деды — московские потомки Рюрика...

А полтысячи лет назад здесь, на окраинах ростовской земли, посреди непроходимого бора стоял жалкий княжеский двор, где его прапрадед, князь Юрий Долгорукий встретился с союзником своим, Новгород-Северским князем. Их «обед силен» и слово «Москва» остались в древней летописи, которую читал мальчик... Видно, что предчувствовал князь Юрий, когда обнес княжий двор деревянными стенами, — от тех времен идет Кремль, где за стенами стоят древние соборы и его дворец. За эти пятьсот лет жалкий городок стал первым городом Руси, а все великие, прежде богатые княжества — Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское —

обессилели в бранях друг с другом и кровью изошли в борьбе с татарами. Но заслонили от ханов благословенные московские земли, дали владениям его предков желанный покой... и пали под власть его деда, который сделал бесчисленных потомков Рюрика жалкими подданными, боярами на службе московских князей.

Правда, московская ветвь Рюрикова древа была немногочисленна. Великая власть убивает — и старшие в роде истребляли младших, чтоб не дробить собранную землю, чтоб избавиться от мятежей. Дед Иван Третий убил брата Андрея с двумя сыновьями, отец Василий отправил на тот свет двоюродного брата Шемяку-Рыльского... И его мать, Елена Глинская, следовала традиции — извела братьев его отца Юрия и Андрея.

Великий город отстроили его предки. Мать, пока жива была, возила его на богомолье в монастыри. Он помнил, как сразу за городом начинались дремучие леса, окружающие редкие селения при большой дороге. А за лесами — степь необозримая, откуда войной приходили татары казанские, астраханские и крымские — остатки распавшейся Великой Орды...

Он любил возвращаться в свой город. Чем ближе к Москве, тем веселее дорога: тянутся обозы, скачут всадники, лошади мчат сани... И вот уже на холме Кремль с золотыми куполами храмов. У стен, сбегая к реке, стоят бесчисленные дома: слободы ремесленников, светлое дерево на красном морозном солнце... А за Москвой-рекою дымит жаркими печами Немецкая слобода. Здесь всегда шум и гам — иноземцам разрешено пить в будни.

В Москву зимой въезжали обычно в темноте. Ночью пусто: жителям запрещено ходить без причины, только у заградительных рогаток, выставленных на ночь, стоит караул.

Полтора ста тысяч жили в Москве по переписи, которую сделал его дед.

Иван Третий, великий его дед... Это он возвратил величие исчезнувшей было в дыму татарских пожарищ, поставленной на колени стране. Это он покорил удельные княжества, объединил Великороссию — сделал ее вотчиной московских князей. Это при нем Великая Русь вновь почувствовала себя единым народом. Иван Третий Грозный — так называли его тогда.

Страшен был в гневе, женщины падали в обморок от одного его взгляда.

И слушал мальчик повествования доброхотов: «Когда князь засыпал, как столбом стояли бывшие удельные князья, дыхнуть

боялись, чтоб не разбудить Государя...» Но он уже понял и крепко запомнил: не гневным взглядом правил дед, но топором и публичной поркой усмирал он непокорных.

Грозный Государь... Грозной должна быть истинная власть!

И он будет грозным, как его дед, и будет править покоренными князьями, как холопами. «Холопы» — так звались рабы, потомки купленных когда-то рабов, или плененных на войне, или людей, проданных за долги... И при деде его, и при отце — все, от жалкого крестьянина-смерда до князей и бояр, звали себя «холопами Государя», все писали в челобитных: «Се аз холоп твой...» Дед ввел обычай: коли ему не нравилась боярская «встреча» (встречное мнение в Думе), говорил кратко: «Пошел вон, холоп! Ты мне более не надобен!»

В книгах иноземцев о Московии (толмач переводил для него эти книги) он читал с радостью: ничто не удивляло так чужестранцев, как самовластие его отца и деда. «Воля Государей служит в Московии вместо писаных законов... и никто не смеет называть свое “своим”, а называют “Государевым”... “Так угодно Богу и Государю”... “это ведает Бог и Государь...” — самые частые слова на Руси...».

Князья-холопы забыли свое место — вот что он крепко усвоил с детства...

Велики были дела его грозного деда! При нем Москва поняла свое предназначение. В прошлом веке пала Византия — оплот православия, и взоры крещеного мира обратились на новую великую столицу православия — обретшую могущество Москву. И дед решил поднять павший византийский венец...

Московские книжники много говорили тогда о древних связях между Русью и Византией, о крови византийских императоров, которая текла в жилах его предков. Это его прапрапрабабка княгиня Анна, сестра византийских императоров, стала женой Владимира Святого, крестившего Русь. А потом был Владимир Мономах — Великий киевский князь, внук византийского императора Константина Мономаха. Как рассказали мальчику, тогда и привезли на Русь византийские святыни: венец золотой царский («шапку Мономаха», от самого императора Константина), крест животворящего древа, бармы и сердоликовую чашу, из которой пил еще римский кесарь Август.

«Шапкой Мономаха» и был венчан Владимир. (На самом деле шапка эта была монгольской работы, и нетрудно догадаться, как попала она в московскую сокровищницу, — это был всего лишь

татарский дар: какой-то хан пожаловал ее одному из покоренных Рюриковичей. Но кому нужна жалкая правда, если вымысел так величав и полезен?)

На века останется татарская шапка русским венцом, «шапкой Мономаха». А «чаша Августа» завершила творение великой легенды, ибо московские книжники утверждали, что Рюриковичи происходят от потомков самого римского кесаря Августа. Так в московских Государях соединились оба Рима — Рим кесарей и Византия.

И его дед воплотил в жизнь эту великую легенду...

В те времена в Риме бедствовала Софья Палеолог — молодая племянница последних византийских императоров. Эта сирота, жившая в опасной близости к ненавистному православным папе, хоть и не славилась красотой лица, зато радовала глаз непомерной дородностью, которую так ценили в женах московские Государя. На Софье-бесприданнице и решил жениться Иван. Не жалкое богатство, но иное, бесценное приданое должна была привезти в Москву Софья Палеолог...

И привезла. И до смерти берегла это богатство. Уже после замужества, на пелене, вышитой ею в дар монастырю, Софья не стала величать себя «Великой княгиней московской», но назвалась «царевною цареградской». Так она сама назвала свое великое приданое... Последняя наследница великих византийских императоров передала их державность (уже не в легенде) Московскому царству.

Разве мог после этого дед, наследник великой Византии, оставаться данником татарских ханов? И он отказался платить дань.

И было «великое стояние» на реке Угре. Дед встал с войском с одной стороны реки, с другой — хан. Долго стояли, ибо Иван еще не решался напасть первым, а хан — уже... И длилось «стояние» до поры, пока лед не покрыл реку. Теперь ханская конница, столько раз побивавшая русские полки, могла перейти на другой берег. Опасаясь этого, Иван дал сигнал отступить, но его воины, помня об ужасах татарских конных атак, попросту побежали. И тогда татары... побежали тоже: решили, что хитроумный московский князь заманивает их на другой берег.

Так бежали друг от друга эти два войска, никем не преследуемые. Так смехом закончилась кровавая история татарского ига.

Теперь дед стал воистину кесарем. Церемонии византийского двора вошли в жизнь двора московского. Наследник Византии воздвигнет в Кремле новый каменный дворец, где родился Иван — его внук. И Грановитую палату, и главный собор державы — Успен-

ский... Свергнув иго хана, он стал именовать себя «самодержцем» (византийский «автократор») и «Государем всея Руси».

Так ожила величавая мистическая идея... Был первый Рим — Рим кесарей. Погиб. Потом была Византия — наследница того Рима. Погибла. А теперь есть град Москва, где правят наследники властителей обоих павших империй. Москва — третий Рим и последний, ибо четвертому Риму уже не бывать. И «венец Мономаха», лежавший в сокровищнице его предков, ждал великого властителя, который первым будет венчаться в нем на царство, первым объявит себя царем Руси.

И вечно полуголодный, заброшенный мальчик знал: этим первым венчанным московским царем будет он. И он вернет на Русь время великих воинов, древних князей-завоевателей!

С детства он «стал святыней для самого себя»...

Время летит незаметно. Занятые сражениями друг с другом бояре и не заметили, что мальчику стукнуло тринадцать лет — отрок! Проморгали...

«Волчонок вырос», — говорили они потом. Не понимали: совсем другой зверь появился во дворце. Жестокость и властолюбие византийских императоров, коварство хитроумных московских князей, темперамент и отвага литовских кондотьеров — гремучая смесь... Не волчонок — тигр! Кошачья любовь к игре с жертвой, прежде чем отдаст она свою кровь... и страсти, бешеные страсти! Распался — и тогда действовал! В ярости — хитроумен, талантлив...

В ярости — в речах убедителен...

Тогда-то он и показал боярам, кто вырос во дворце. Накануне нового, 1544 года посмел обычным языком повелителя заговорить при нем самый наглый и влиятельнейший из Шуйских — князь Андрей, и Иван, «приведши себя в бешенство», повелел своим псарям схватить думного боярина. Не увидел нового года гордый князь — 29 декабря 1543 года труп потомка Александра Невского валялся на заднем дворе... А Иван, усмехаясь, объяснял бледным боярам: случилась-де досадная ошибка, он повелел отвести в темницу возомнившего о себе боярина, да глупые псари почему-то не поняли, до темницы его не довели — зарезали... И велел, чтоб усвоили: ему уже минуло тринадцать и править теперь будет — он!

И бояре мигом вспомнили грозного деда...

«Вот тогда-то бояре и начали иметь страх Государя», — напишет современник. Их наглость, небрежение как по волшебству сменились лизоблюдством и угодничеством.

Ко дворцу тотчас вернули любимого Иваном с детства боярина Федора Воронцова, сосланного Шуйскими...

Но он знал: чтобы стать грозной, Власть должна быть и ветреной. Тогда она родит истинный Страх, а следовательно, и повиновение... И уже вскоре, в порыве так ценимого им гнева он казнит любимого Федора Воронцова. Те, кто вчера в опале, сегодня в милости, но уже завтра — наоборот. Сегодня он ненавидит бояр, а завтра прослышавшие об этом псковичи приходят с жалобой на очередного наместника, обобравшего город, князя Ивана Турунтая-Пронского. И вдруг бешеный гнев царя обрушивается на них. Как смеют они бить челом на его наместника! На князя! И летописец рассказывает, с каким упоением молодой Государь «палил жалобщикам бороды... сам свечью их поджигал... и повелел класть нагими на землю и топтал их...». Кто знает, куда поведут его страсти, тигриные игры, — и бояться, трепещут... Власть!

Своими тогдашними забавами напоминал он юного Нерона. Орава всадников — Иван, окруженный толпой молодых собутыльников, — с гиканьем несется по Москве. Играют — стараются раздавить попавших под копыта горожан. Как на охоте, загоняют молоденьких женщин и, привезши во дворец, насилуют. Это тоже игра... И вмиг ставшие холопами бояре угодливо славят страшные забавы — пусть веселится Государь!

Как напишет князь Курбский: «Эти карлы, эти угодники говорили: “Ох, как будет храбр он и могуществен!”»

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Но происходит чудо. На семнадцатом году жизни Ивана следуют два венчания.

16 января 1547 года произошло великое. В Успенском соборе митрополит возложил на него венец — ту самую легендарную «византийскую» шапку Мономаха. Мечта сбылась. На Руси появился первый царь.

Но титул Великого князя всея Руси он себе тоже оставил. Царь и Великий князь... Так он обвенчался с Русью.

И уже через полмесяца — второе его венчание. Не чужестранку взял, как дед и отец...

Он хорошо выучил русскую историю: иноземцев на Руси боятся, с ними суеверно связывают все несчастья, от них непременно ждут нарушения старых обычаев, которые так ценит его народ. Русскую

девушку решил взять в жены! И бояре, и митрополит славили эту неожиданную осмотрительную мудрость юного царя...

Сотни кроватей поставлены в Кремле. Со всех концов Московии свезены красивейшие девушки, лекарь осмотрел их... А потом пришла его очередь — избирать жену. Он выбрал Анастасию — дочь покойного московского боярина из рода Романовых.

«Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами...». Он наизусть знал Библию — образованнейший был царь...

Анастасия — первая из Романовых, взошедшая в царский дворец...

«Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви...». Испуг и радость ее тела... сладость единственной, которую он любил... «Левая рука его у меня под голову, а правая обнимает меня...».

Но оба не знают — свершилось! Там, во тьме их брачного ложа уже появился призрак — будущая трехсотлетняя династия, которой суждено будет окончить свои дни в грязном подвале Ипатьевского дома...

Летом того же года загорелась Москва, и пожар был под стать году — великий, невиданный. Много раз полыхал огнем деревянный город с беспечными жителями, но такого не помнили даже летописцы.

Первый пожар был в апреле. А потом случился тот, самый страшный — в жарком июле...

Митрополит, на коленях моливший Бога пощадить людей, чуть не задохнулся в Успенском соборе — на веревке спускали его в Москву-реку. Крепко зашибся тогда владыка, долго болел...

После пожара и наступило то, что должно было наступить. Потерявшие кров, все нажитое, люди с проклятиями искали виновных. Вот тогда и прошел слух: город подожгли колдовством, и не кто-нибудь, а родственники царя — иноземцы-ляхи. Вышедшим к народу боярам взбунтовавшаяся чернь прокричала, что княгиня Анна, мать Глинских, вырезала сердца у мертвых, клала их в воду и водой этой кропила город. Поняв, что ему грозит, Георгий Глинский, дядя царя, бросился в Успенский собор.

Озверевшая толпа свершила святотатство: несчастного князя растерзали прямо в Божьем храме...

А потом толпа пришла в село Воробьево, где спасались от огня царь с молодой царицей, и потребовала крови Анны и остальных Глинских. Жалкие бояре умоляли: «Отдай их!» Но он уже знал

разгадку Власти... Распустились людишки, разгулялись кроваво! Разве, жертвуя новую кровь, усмиришь их? Истинный внук Ивана Третьего, он уже понял свой народ: царство без грозы, что конь без узды...

Сначала толпе сказали, что царя в Воробьеве нет. А когда страсти поутихли и стали расходиться люди, пришло время дать ему волю своему гневу. Гневу, от которого всю его жизнь в беспамятстве от страха будут пребывать его бояре...

Радостно Иван дал вырваться ярости, в неистовстве кричал повеления: стрелять в толпу, вязать зачинщиков. И стрельцы весело палили в народ, догоняли и вязали разбежавшихся. Царь повелел их казнить. И вмиг все успокоилось — повинились мятежные. Крестьясь, прося прощения у царя, шли виновные на плаху...

Именно в те дни, как потом будет вспоминать князь Курбский, из пламени страшного пожара возник поп Сильвестр — священник Богоявленского собора в Кремле, домовый церкви московских владык. Там стояли иконы святых покровителей московских Государей, и среди них — суровая икона Иоанна Предтечи, его икона, где живописец изобразил топор, который лежал у корней дерева, не приносящего плода...

Сильвестр заговорил с молодым Государем, «как власть имеющий». Он объявил ему, что пожары — это небесный огонь, который брошен на город за грехи Государя, за его своевольные казни. И уже первый пожар был провозвестником гнева Божьего, но царь не понял, и оттого был второй пожар... И пока не поменяет царь свою жизнь, огонь небесный будет пожирать его город, и третий пожар испепелит самого Государя, ибо грозен Бог к нечестивцам...

Поп говорил предсказаниями... Как родитель пугает неразумного сына, он пугал семнадцатилетнего царя Страшным судом, грядущими карами, которые потом Иван насмешливо назовет «детскими страшилками». Но в тот момент, как сам Иван расскажет в будущих письмах к князю Курбскому: «Дух мой и кости вострепетали, а душа смирилась во время пожара и бунта».

Страх и трепет...

И Сильвестр, который не был даже его духовником, станет на тринадцать лет главным советчиком царя, царской Мыслью (а царь будет только Властью). Поп сумеет обуздать Ивана, буйная река его страстей войдет в берега. Все эти годы будет для него Сильвестр грозным напоминанием о Небесном суде, где Государи перед Всевышним дают ответ за народ, им вверенный...

Так смирил его поп в дни огня... Пока.

Помогла и молодая жена — счастливый выбор! Иван жил страстями, а тогда была страсть к юной жене, радостной, ровной и мудро религиозной. Она, жившая по-Божьи, помогла его душе. Ушли Нероновы забавы. Любовь, прощение, чтение Евангелия — тогда он этим жил. Тигр заснул. Был мудрый царь, ответственный за народ, прекрасный и чистый душой и телом... Брак с Анастасией, вся их тринадцатилетняя жизнь останется великим временем для Руси.

Бояре заседали в Думе, но не они управляли. Вокруг Ивана собрался кружок совсем молодых людей, который впоследствии князь Курбский назовет несколько на литовский манер — «Избранная Рада».

Поп Сильвестр, незнатный дворянин Алексей Адашев, взятый царем «из гноища», из ничтожества, и еще князь Курбский, потомок могучих ярославских князей, Рюрикович, — они вместе с ним принимали тогда решения. В Раде и были задуманы великие реформы...

И пришел прекрасный миг: в 1550 году вся Красная площадь была запружена народом — со всей Великой Руси собрали именитых людей на Земский собор.

Молодой царь вышел к людям. Не во дворце, окруженный сидящими по лавкам сонными бранчливыми боярами, но на площади, запруженной народом, — как бы перед всей землей русской говорил Иван.

Его облик можно представить по воспоминаниям современников, по одеждам, висящим в музейных витринах, по костюмам, оставшимся в его гробу: широк в груди и очень высок был Государь. Рыжеватая борода, голубые глаза и большой тонкий крючковатый нос орла, придававший его лицу опасное выражение...

Таким он стоял на Лобном месте перед людьми своими, и ветер трепал его длинные, рано поредевшие волосы.

Как всегда перед важным поступком, он подзадорил себя, вспомнил с гневом утеснения детства, ненавистных Шуйских и, распалившись до великого красноречия, обратился к митрополиту и народу.

«Ты знаешь, Владыко... сильные бояре расхищали мою казну, а я был глух и нем по причине моей молодости...». Возвысив голос, он говорил самым знатным, чьи шапки, высокие, похожие на митры, поднимались над толпой: «Лихоимцы и хищники, судьи неправедные, какой дадите вы ответ за те слезы и кровь, которые пролились благодаря вашим деяниям?.. Я чист от крови... но вы ждите заслуженного воздаяния!»

Горели бешено глаза царя, и затаился народ на площади — ожидал великой расправы. Но он объявил, что мстить боярам и князьям не будет — пусть ответят они за все свои утеснения на Страшном суде, а сейчас... И голос его сорвался от волнения...

Он повелел всем забыть обиды и соединиться — в любви и прощении. Он объявил себя защитником людей от несправедности сильных мира сего...

И опять в глазах его были слезы, когда он обратился к иерархам и митрополиту Макарию: «Достойные святители церкви, от вас, учителя царей и вельмож, я требую: не щадите меня в преступлениях моих. Гремите словом Божьим, и да жива будет душа моя!»

Сын жалкого служилого человека Алексей Адашев был пожалован им тогда же в окольник. И царь сказал ему: «Взял я тебя из нищих... пожелал я не тебя одного, но других таких же... Поручаю тебе разбирать челобитные... принимать их от бедных и обиженных... Не бойся сильных, похитивших почести и губящих бедных...»

И народ плакал от радости и славил царя. И царица была счастлива. И бояре были довольны: пронесло...

Но они не знали его. Они не поняли — это была уже программа будущего.

«Пожелал я не тебя одного, но других таких же...» Призвать новых людей, обязанных не знатности и славе рода, но безвестных, вознесенных его милостью людишек...

Нет, он ничего не простил: ни убийства матери, ни утеснений детства. Хорошо помнил расправу с Глинскими, и подозрительнейший его ум тотчас подсказал тогда: и это сделали они, бояре! Через холопов своих натравили толпу на родичей его, мстили за падение Шуйских! Он не умел забывать...

В это же время по Москве начинает распространяться удивительная челобитная. Некий Ивашко Пересветов, служилый человек, про которого никто на Москве не знал, с какой-то удивительной, дерзостной свободой давал в ней советы самому царю... Впрочем, в челобитной было всему этому объяснение. Оказывается, не знали Ивашку потому, что служил-де он королям — польскому, литовскому и чешскому. А смелость его оттого, что происходил он будто бы от славного монаха Пересвета, погибшего геройски в битве с татарами на Куликовом поле.

Но какие удивительные советы давал таинственный Пересветов! Вся челобитная — одно яростное требование к царю: расправиться со знатными, приблизить к себе простых воинов вместо

вельмож, «которые крест целуют, а сами изменяют, которые по лености и трусости ни воевать, ни управлять не умеют...». Крови бояр, грозу против вельмож требовала дерзкая челобитная. «Нельзя Государю без грозы быть...» Царю нельзя быть кротким. Царьград пал из-за кротости Константина... Быть мудрым Государю — значит быть грозным!

Подозрительно предвосхищала «челобитная» и будущие письма царя к князю Курбскому, и Опричнину, и боярские казни...

Неужели тайные царские мысли и будущие дела были продиктованы безвестным и вскоре забытым Ивашкой Пересветовым?

Скорее всего, нет. Это он сам, царь Иван, постарался. Сам и написал челобитную как своеобразный глас народный. Он великий царь Иоанн Васильевич, он и жалкий Ивашка Пересветов — его любимое раздвоение личности. Он обожал писать под чужими именами. За подписями своих бояр — Мстиславского, Вельского, Воротынского и прочих — оставит свои творения царь...

Это актерство жило в нем до смерти: прикинуться жалким и объявиться грозным. Любимые тигриные игры... Но тогда его смирили — Сильвестр и кроткая жена смогли удержать его от желанной крови. Тогда им было легко: ему было всего двадцать лет, и он был счастлив.

Десятилетие будут тлеть подавленные ярость, гнев и месть. Но когда вырвутся...

А пока шли его реформы. Вместо устаревших неясных законов вместе с «Избранной Радой» он создавал первый Судебник — свод законов Государства Московского.

Отныне всякому поместью, которым владел знатный человек, по закону соответствовала определенная служба. С каждых пятидесяти десятин землевладелец должен был выставить ратника на коне, да еще и запасную лошадь в придачу, или откупиться. Теперь, уже по закону, все знатные люди были объединены главным — военной службой Государю.

Попытался он урегулировать и отношения с церковью. Только в некоторых городах монастыри в случае войны выставляли ратников. Между тем земли у церкви становилось все больше — уже треть государства находилась в ее руках. Умирая, грешные люди старались замолить свои грехи и часто отдавали монастырям свои владения.

Спор об этих землях резко разделил русскую церковь. Знаменитые «нестяжатели» во главе со старцем Нилом Сорским, человеком

святой жизни, выступали за возвращение к временам апостолов и древнего христианства — за аскетизм церковной жизни. Они проповедовали отказ от землевладения, от крестьянского труда — чтобы в монастырях трудились только сами монахи. Церковнослужители, принадлежащие к кругу Великого старца, обличали распутство, которое царило порой в обителях, особенно в тех, «где купно проживали монахи и монахини», лихоимство, и главное — невежество, эти бесконечные апокрифы, басни, сочиненные и переписанные полуграмотными попами...

Но церковь от земли не отказалась. Собор 1531 года объявил «нестяжателей» еретиками.

Сторонники Нила Сорского подверглись суровому наказанию, в темницу Симоновского монастыря отправился знаменитый Максим Грек.

Это был великий подвижник и церковный мыслитель, объездивший в юности всю Европу, друживший с гениями Возрождения. Проповеди Савонаролы перевернули его душу.

Он постригся в монахи, жил в знаменитом Афонском монастыре, где прославился великой ученостью. Из Афона и был отправлен на Русь по просьбе отца Ивана, Василия, который просил «прислать ему ученого грека». Максима встретили ласково, поселили в Чудовом монастыре в Кремле. Он перевел множество богословских сочинений из библиотеки Великого князя, проверял церковные книги, где нашел множество ошибок, — «разжигаемый божественной ревностью, очищал плевелы обеими руками».

Но «многие нестроения» московской жизни он стерпеть не мог. Он объявил, что «неприлично, бесполезно и опасно» владеть монахам землей, вызвав ненависть тогдашнего митрополита Даниила. И когда он посмел выступить против греха — расторжения брака Василия с Соломонидой, — чаша терпения переполнилась... Так начались страдания Максима Грека.

В 1551 году по просьбе молодого царя был созван новый Собор для обсуждения церковной реформы. На него съехались иерархи со всей Великой Руси. «Предметы рассуждения» Собора разделены были на сто глав, и прозывался он с тех пор «Стоглавым собором». Остались вопросы царя Собору и ответы на них. Царь говорил о дурном употреблении церковных земель, о грешной жизни многих священников. С изумлением выслушали иерархи знакомые им еретические рассуждения Нила Сорского и заволжских старцев из уст царя... Ответы их были ловко-уклончивы, менять свою сытую жизнь

они не собирались. И великий книжник митрополит Макарий занял свою обычную позицию в споре — не занимать никакой позиции.

Благодаря этому он и оставался митрополитом во все годы иезуитского Иоаннова правления.

Когда Максим Грек из темницы своей умолял Макария о помощи, митрополит отвечал классической фразой: «Узы твои целуем... яко одного из святых, но помочь тебе не можем...»

Но все-таки в чем-то им пришлось уступить царю, «многомудру и искусну в споре», — церковь лишилась права приобретать вотчины без согласия светской власти. Рост церковных земель замедлился.

Иван навсегда запомнил, как они ловчили, как изводили его уловками и, главное, не боялись его гнева. Хотя все было так ясно — он требовал от них вернуться к праведной жизни и отдать такую нужную государству землю! И когда в нетерпеливом бешенстве он захотел обличить иерархов — Сильвестр не дал. Поп стал объяснять ему сложности церковной жизни, требовать терпимости: «Церкви нельзя грозить!» Сильвестра поддержали царица и Адашев.

Он часто оставался один против них всех. И он сдался... Пока.

Сильвестр написал для молодого царя бессмертную книгу — «Домострой». Эта книга (которая на самом деле есть компиляция из древних рукописей) была создана по образцу «Поучения Владимира Мономаха», одного из любимых предков Ивана.

«Домострой» — удивительное зеркало, в котором застыло изображение исчезнувшего мира. Мира религиозной и житейской мудрости, семейного благочестия Древней Руси, мира Рабства и Власти.

Во второй половине XIX века наш великий драматург Островский откроет перед русским обществом заповедный мир купеческой Москвы. И страна поймет с изумлением: оказывается, древний мир, описанный в «Домострое», жил и заботливо сохранялся в России — в приземистых каменных домах московских купцов...

Рабство и Власть повелевают всей жизнью семьи и жизнью главной героини «Домостроя» — знатной женщины, боярыни или княгини.

Проклятиями «вкусившей от змия» наполнены переводы множества церковных византийских книг в монастырских библиотеках: «Женщина есть существо двенадцать раз нечистое... сеть для мужей...» и прочее, и прочее, включая знаменитый рассказ о древнем философе, который предпочел жениться на лилипутке, сказав знаменитое: «Я лишь выбрал наименьшее зло». (Кстати, множество таких же цитат приводят авторы «Молота ведьм» — этой беспощадной

инструкции инквизиции по охоте за «ведьмами». Весь XVI век в просвещенной Европе горели костры, на которых были сожжены тысячи женщин.)

В Московии «женский вопрос» был решен менее радикально. «Опасный сосуд греха» было решено усердно прятать — и боярыня «сидит за двадцатью семью замками и заперта на двадцать семь ключей...». В терем знатной затворницы ведет особый вход, и ключ от него у господина — мужа. Из теремного окна видит она только двор, обнесенный высоким забором.

Она не может увидеть даже самое себя, потому что в доме времен Ивана нет зеркал — они объявлены «грехом», ибо через эту лазейку в женскую душу, столь склонную к соблазну, может войти дьявол...

День затворницы начинается рано. Не слуги должны ее будить — она будит слуг и следит, как они работу свою исполняют. «Сама никогда бы не была без дела... и если муж придет, сама бы за рукодельем сидела...»

И все время ей следует думать, как угодить мужу — Власти! Ибо жизнь внутри дома есть зеркальное отражение жизни за окном. Вертикаль Власти пронизывает московский мир. Государь — это Бог для подданных, муж — государь и Бог для жены и слуг. «Жены мужей обо всем спрашивают и во всем им покоряются...»

Как Государь строго, но по-отечески должен наказывать подданных за проступки и неповиновение, так и государь-муж должен карать нерадивую жену. И «Домострой» подробно описывает, каким должно быть наказание. Бить боярыню следовало не перед слугами, но наедине.

Стегать надо плетью, не забывать «полезные правила битья»: «По уху и лицу не бить, и по сердцу не бить... не бить ни кулаком, ни посохом, ни железным, ни деревянным» (не знающие полезных правил, видно, часто бьют и кулаком, и посохом). Но люди разумные и добродетельные, «сняв с нее рубашку» (эротика тут ни при чем, так добро сохраннее), умеют «вежливенько побить плеткой», а потом простить жену и помириться...

В темной карете, пряча лицо, ездит теремная затворница по городу, через пузырь окна видит жизнь простого народа. Она совсем иная — разнузданная, пьяная жизнь людей, которые не очень-то опасаются дьявола. У них общие бани — там вместе моются голые, распаренные, часто подвыпившие мужики и бабы... «Руси есть веселие пити» — так сказал не кто-нибудь, сам Владимир Святой! И иноземец Олеарий, дивясь, описывает: из кабака вышла пьяная

женщина, упала на мостовую, на нее набросился пьяный мужик, и все непотребство случилось на глазах хохочущей толпы...

Среди этой нищей, пьяной и срамной толпы ходили юродивые — эти живые святые Московской Руси...

Вот он, нагой человек в веригах, зашел в лавку, забрал, чего хотел, и пошел прочь. Хозяин вослед ему только низко кланяется — большая честь, коли зашел к тебе юродивый. Но и большое испытание: если намешает чего в тесто ловкий купец или еще как словчит, юродивый есть не будет, Божьим даром все почувствует и молча пирог в снег выкинет... Однако на этот раз дело чистое: пироги поел и прямо по снегу, шепча и выкрикивая нечленораздельные слова, пошел этот удивительный святой.

Юродивые... «безумные Христа ради», чьими грозными словами, а порой открыто срамными поступками Бог обличает наши пороки, которые мы стремимся держать в тайне. Этим странным подвижникам ниспослано великое чудо — пророчествовать. Знаменитый юродивый Василий Блаженный, живший на Москве, предвидел великие пожары и горячо молился накануне... И сам царь Иван говорил о Василии, подвергавшем себя постоянным мучениям и отягчавшимся тяжелыми веригами: «Провидец и чтец мыслей человеческих».

Один из псевдонимов, которыми любил подписываться обожавший самоуничтожение царь, — «Парфений Юродивый»...

Когда Москва будет хоронить Василия, царь с боярами понесет его одр. В чудном храме, построенном на Красной площади, упокоятся его мощи, и народ будет звать этот храм именем жалкого нищего — Василия Блаженного.

Сам Сильвестр сочинил в «Домострое» лишь одну, последнюю главу — «Благословение от Благовещенского попа Сильвестра моему единокровному сыну Анфиму». В ней загадочный поп, возникший из московского огня, упомянул о своей прежней жизни (оказалось, до Москвы служил он в Новгороде): «Видел ты, сколько сирот и рабов убогих мужского и женского пола в Новгороде и Москве я вскормил до совершенного возраста...» Поведал он и о своих правилах жизни: «Ты, сын, всякую обиду на себе носи и терпи, терпи... Если случится общая брань, лучше ударь своего, только чтоб брань утлеть...»

Но соблюдение правил христианской жизни, как учит своего сына Сильвестр, важно прежде всего потому, что... «приносит выгоду»!

Впрочем, вряд ли сам Сильвестр так думал. Скорее, это была единственная и самая легкая возможность доказать сыну, что надо выполнять христианские заповеди. Ибо, к сожалению, как справедливо отмечал наш великий историк Соловьев, русский человек не слишком изменился с X века, со времен силой уничтоженного язычества. Людям было трудно понять, почему надо возлюбить ближнего, как самого себя. Приходилось доказывать по-язычески — выгодой.

Поразительное сочетание христианства с язычеством в душах людей отражает нравы Московии. Именно поэтому столько внимания и уважения здесь уделяли церковным обрядам — это были своеобразно преломленные в сознании вчерашние языческие заклинания.

Эту слабость душ и докажет Смута...

Заканчивая «Благословение», Сильвестр подвел итог — о выгоде своей праведной жизни: «Подражай мне. Смотри, как я почитаем и всеми любим... потому что я всем уноровил...»

Но это — грех! Невозможно «всем уноровить», если хочешь прежде всего «уноровить» Богу, — об этом столько сказано в Евангелии, которое так любил цитировать поп. И скоро придется узнать Сильвестру эту Божью правду на собственном опыте...

ЧАША КРОВИ

Пришло время похода на Казанское ханство. Рядом с Иваном скакал его двоюродный брат, последний удельный князь, оставшийся в живых, — Владимир Старицкий. Отца его погубила в тюрьме мать Ивана... И вот царь по молению Сильвестра искупил грех — выпустил из темницы Владимира и по-братски около себя держит... Пока.

Великий день Руси приближался.

Сперва Иван обратился к хану и казанцам — просил их сдать, но они, как и подобает храбрым воинам, ответили: «Умрем или отсидимся в крепости!» И тогда царь сказал своей рати: «Изопьем общую чашу крови, братья!»

Наступило то утро. В благостной тишине звучали только бубны и трубы, когда грянули два чудовищных взрыва и стены казанские, и обломки строений, и останки людей поднялись в воздух и пали на город. Это взорвался порох в подкопах, и в проломы стен ринулась рать.

Уже теснили казанцев к ханскому дворцу, когда началось постыдное... Богат и велик был город Казань, и царские ратники, забыв о битве, начали грабить. Царь знал слабости своих воинов, он все предусмотрел — за ратью шли царевы люди с обнаженными мечами, чтобы не допустить «опасного срама». Но не знал он, что и надзирающие тоже радостно примут участие в грабеже.

И вот уже потеснили его рать, уже татарские сабли рубили русские головы, уже слышался крик страха и боли: «Секут, секут!» — когда Иван показался у городских ворот с новой ратью, которая решила исход сражения. Его воины были беспощадны — «трупы лежали ровень со стенами»... Но оставшиеся в живых казанцы отказались сдаваться. Они пытались вырваться из горящего города и все погибли. Только своему хану не позволили умереть — выдали его живым.

Иван крестил татарского повелителя — это был символ победившего православия. Крест воссиял над поверженной Казанью.

Величественное послесловие к татарскому игу!

Надо было жить в то время, чтобы понять впечатление победы. Ржанье татарских коней — страшный голос набега, за которым следовали кровь, пожары и рабство, могущество кривой азиатской сабли — все становилось историей. Осталась только татарская кровь в жилах потомства изнасилованных женщин, и вчерашние завоеватели будут еще долго напоминать о себе — узкими глазами рождавшихся русских младенцев.

Впервые Запад пошел на Восток. Впервые Азия отступала. Впервые после татарского рабства на Руси явился молодой царь, который вернул великие времена князей-завоевателей.

И со слезами умиления его любимец и бесстрашный воевода князь Курбский, заслуживший в кровавой сече прозвище «бич Казани», славил царя...

А потом пришла очередь Астраханского ханства. И он завоевал его.

К Астрахани его воины плыли по великой реке Волге. И они видели развалины Старого Сарая — заброшенной древней столицы Золотой Орды. Сколько лет в эту татарскую столицу, «горький памятник русского стыда», приезжали на поклон, а часто и на смерть, русские князья... Но это был прошлый стыд, впереди была слава — плен Астрахани.

Между завоеванием Казани и падением Астрахани произошло тревожное событие, впрочем, скоро забытое. Между тем оно оказалось впоследствии роковым для многих... Все началось с того, что Иван внезапно заболел и хворь его была объявлена смертельной.

Все были уверены, что душа его готовится отлететь. А в это время князь Владимир Старицкий, двоюродный брат царя, выпущенный им из темницы, и мать его пиры устраивали!

Будто не Государь и родич их на смертном одре лежит, а радостное происходит...

Он был великим актером, как и многие деспоты. Заболел ли он или только сделал вид, что заболел, — мы никогда не узнаем, тайна погребена вместе с ним.

Во всяком случае, внезапная болезнь, столь же внезапно завершившаяся благополучным выздоровлением, дала ему возможность многое проверить.

Со «смертного одра» он призвал бояр целовать крест его малолетнему сыну — и вмиг осмелели вчерашние рабы, раздались непокорные голоса: «Не хотим пленочника, а хотим князя Владимира Старицкого!» И многие бояре целовать крест сыну Ивана не захотели. В темных переходах дворца, под низкими сводами палат толпились, шептались, плели заговоры те, кто втайне ненавидел его и весь род московских Государей. И были с ними даже те, кто любил его, ибо страшились они, что при малолетнем его сыне власть опять захватят временщики — родичи царицы, не жаловавшие Адашева и всю «Избранную Раду». Потому-то отец Адашева, царского любимца, вознесенного им из ничтожества, захотел присягнуть Старицкому. И казначей его верный, Фуников, тоже решил к Владимиру перейти. Они отдавали на гибель царского сына, ибо хорошо знали: удавят младенца бояре, как только отец глаза закроет.

Так свершился этот, как впоследствии назвал его сам Иван, «мятеж у царевой постели»...

Но самые умные были молчаливы — они знали, как надо действовать: «Заметь их имена и запиши». Хорошо выучили их отцов московские Государя...

Сильвестр метался между ним, умирающим, молившим присягнуть сыну, и мятежными боярами.

Поп всем пытался угодить, всех примирить, вместо того чтобы стыдить тех, кто законному царю крест целовать не хотел. Всех уговаривал — и тех, кто царю хотел быть верен, и тех, кто сомневался... Так он о пользе государства заботился, забыв о верности ему, царю.

Сам Иван писал потом о взбунтовавшихся боярах: «Восшатались они, как пьяные... решили, что мы уже в небытии... забыв присягу нашему отцу: не искать другого Государя, кроме наших детей...

задумали... посадить на престол князя Владимира... а младенца нашего погубить...»

С великим трудом усовестили их тогда немногие верные царю бояре, заставили образумиться. Но те лишь вид сделали, что образумились. Решили обождать, пока царь не преставится.

А Иван выздоровел. Однажды застали его бояре сидящим на ложе, и царь объявил им со смешком, что Бог исцелил его...

Сразу после болезни он отправился на богомолье с женой и сыном в Кирилло-Белозерский монастырь — по случаю своего чудесного выздоровления. Из паломничества он привез рассказ о встрече с бывшим коломенским епископом Вассианом Топорковым, когда-то в миру верно служившим его отцу Василию, а после его смерти лишенным епархии боярами. Дескать, монах сказал ему: «Никому не позволяй учить себя — будь сам всем учителем. Ибо Государь должен учить, а не учиться, повелевать, а не повиноваться».

И неподвижно, мрачно было лицо царя, когда он пересказывал соратникам из «Избранной Рады» слова старца. Будто завет отцов, забытый им, пересказывал...

Но еще силен авторитет Сильвестра, еще верит царь в адашевский ум, еще ценит Анастасия и попа, и Адашева, прощая окольникову нелюбовь к своим родичам. Нет, не смеет еще Иван против них выступить. Но внутри него уже разгорается пламя... Дуб растет медленно, но живет века — так и гнев, и зломыслие великих тиранов. До смерти он им не забудет «мятеж у постели» и потом напишет князю Курбскому: «Вот каким вашим доброжелательством насладились мы от вас во дни болезни».

Так прозвенел первый удар колокола. А бояре не услышали. Не поняли...

Впрочем, его сыну-младенцу жить суждено было недолго. По дороге в Кириллов была у царя еще одна встреча, о которой он не любил рассказывать: в Троице-Сергиевой лавре встретился он с Максимом Греком, которому разрешено было наконец покинуть заточение. И праведник осудил Ивана за его паломничество. Он посоветовал ему, вместо богомольного усердия, «благовотворить на престоле», позаботиться о многих сиротах и вдовах, льющих слезы и в нищете пребывающих после «избиения войска в Казанском походе», чтобы Господь не разгневался и не отнял у него собственного младенца.

И вскоре кормилица глупая в реку уронила его первенца — застудили сына. Скончался младенец уже в дороге... Но судьба была

тогда милостива к нему. Еще двоих сыновей родит ему любимая Анастасия — Ивана и Федора.

Минуло пять лет после болезни. Уже пало Астраханское ханство, а он все продолжал свои великие завоевания. Сильвестр предложил ему завоевать Крым — и вся «Избранная Рада» решила так. Они говорили: страна желает покончить с татарским унижением.

В Крыму, за Перекопом, сохранялся злой остаток татарского пленения Руси — разбойное Крымское ханство. По дикому Муравскому шляху — на маленьких быстрых лошадях, не разжигая костров, без еды — молниеносно пересекали крымцы всю Русь, сжигая и грабя города.

И возвращались обратно с ременными корзинами, привязанными к седлам, откуда высовывались светловолосые детские головы. Историк напишет: «Невольничьи рынки в Турции задыхались от белокурых красавиц с голубыми глазами и мальчиков с льняными волосами». А купцы, глядя на бесконечную процессию русских невольников, вопрошали: «Остались ли еще люди в той стране?»

Но Иван выбрал Ливонию — выход к морю, путь в Европу, на Запад. Ливония (нынешние Эстония и Латвия) принадлежала когда-то его великим предкам и была завоевана рыцарями Тевтонского ордена.

Однако от древних воинственных традиций ордена остались только предания. Обильные пиры, потаскухи и отсутствие войн сделали свое дело — рыцари превратились в сытых феодалов. Потомки воинов жили в неге и роскоши, долгий мир, превративший Ливонию в земной рай, отучил их от сражений. Теперь их земли стали лакомым кусочком, о котором мечтали и Речь Посполитая, и Дания, и Швеция.

Иван решил вторгнуться в Ливонию первым.

Отказ от нападения на Крым он объяснил своим сподвижникам тем, что, дескать, опасается войны с Турцией, которая поддержит Крымское ханство. Члены «Избранной Рады» изумились его строптивости. Они считали дело решенным, ибо отвыкли от того, что царь может их не послушать. Они начали убеждать Ивана, говорили: если напасть на Крым, выступить может одна Турция, а если воевать с Ливонией, встанут и Речь Посполитая, и Дания, и Швеция — европейское войско, с которым не сладить хоть многочисленной, но плохо обученной его армии...

Соратники громко сердились. «Поп... с вами, своими советчиками, жестоко нас порицал», — писал Иван потом.

Он знал: они правы! Но это был главный миг его жизни, давно задуманный бунт против непрошенных советчиков, похитивших его волю. Хватит! То, что позволял он им в свои юные годы, теперь, в годах мужества, не позволяй! Они, как ровня ему, смели высмеивать его решения. Теперь многолетнее унижение закончено!

«На меня вы смотрели, как на младенца... Взрослый человек, я не захотел быть младенцем... и если смел я возразить самому последнему из советчиков, меня обвиняли в нечестии, — писал он впоследствии одному из главных «советчиков», князю Курбскому. — Не как к владыке вы ко мне обращались... с надменными речами».

Все, что копил он в себе, прорвалось! И они увидели царский гнев и услышали его яростный голос: «Ливония!»

Ливонцы предвидели войну. С тех пор как русский царь покорил татарские ханства, ждали они неотвратимого. И оттого постановили: не снабжать Ивана оружием, не пускать к нему мастеров-оружейников.

Решив начать войну, царь-актер устроил представление: позвал на пир ливонских послов.

Но на щедром царском пиру, где лилось рекой вино и ломился от яств стол, ливонцам ничего не дали. Они сидели, окруженные пьющими и едящими, но их обносили едой и чашами. А потом голодных послов выгнали прочь с пира.

Вослед отъехавшим оскорбленным послам Иван послал «урашительный поход».

Огромная разноплеменная армия (русские, покоренные татары, послушные ногайцы) вторглась в Ливонию. Рыцари заперлись в своих замках, бросив городские посады и беззащитное население на произвол судьбы. И полудикая азиатская орда жгла, грабила, убивала, насиловала женщин и тут же вспарывала им животы...

Так началась Ливонская война, которая продлится два с лишним десятилетия.

ГРОЗНЫЙ ИВАН

А потом пала последняя узда, сдерживавшая его страсти, — умерла Анастасия. Ее смерть разделила Иваново царствование: как когда-то женитьба на ней была началом великого и светлого, так сейчас ее уход стал началом явления нового царя.

Анастасия умерла от болезни. Но он, видевший столько боярских злодейств, должен был заподозрить (и охотно заподозрил) — бояре

отравили! Хотя, когда Анастасия закрыла глаза, никаких обвинений никто от него не услышал.

Тогда он не посмел... Тогда была только скорбь — нечеловеческая, яростная. Ушла единственная, которую он смог полюбить, которая его понимала и любила. Не боялась — любила.

Следующие будут бояться...

Ее прах в белом саркофаге (вместе с прахом матери Ивана и бабки, знаменитой Софьи Палеолог) лежит сегодня под сводами подвала Архангельского собора. После уничтожения в 1929 году большевиками Вознесенского монастыря (там хоронили московских цариц) через Соборную площадь на телегах повезли древние гробы к Архангельскому собору. И Софью Палеолог, и жену великого Дмитрия Донского, и Елену Глинскую, и Анастасию — всех ждало страшное переселение. Через пробитое отверстие саркофага были спущены в подвал собора...

Мне удалось их увидеть. По крутой лестнице, держась за выбитые в камне перила, я спустился в подвал, заставленный белыми гробницами. Стоя над разбитым саркофагом матери Ивана, Елены Глинской, где видны были кости и остатки истлевших одежд отравленной красавицы, смотрел я на стоявшую у самой стены мраморную гробницу Анастасии. Там, под плитой, лежала она, чья смерть перевернула историю Руси...

Впоследствии, решив обвинить врагов своих в отравлении Анастасии, Иван напишет князю Курбскому: «За что с женою вы меня разлучили?.. Если бы не отняли юницы моей... Кроновых жертв бы не было».

Кронос — кровожадный отец Зевса, пожиривший своих детей... Теперь и он будет пожирать вверенных ему детей — потомков великих родов.

Уже вскоре после ее смерти начались Кроновы жертвы...

Первым пал Сильвестр: надоел он царю. Как писал сам Иван: «Грянет ли гром, заболит ли ребенок — во всем учил видеть поп наказание Божье». В семнадцать лет он еще боялся, но теперь, в тридцать, ему были смешны поповы «детские страшилки».

Падение временщиков обычно означало их казнь. А он Сильвестра не тронул — помнила еще царская душа «страх и трепет» в дни пожара. «Отнесся к попу милостиво» — просто прогнал из Москвы, сослал в белые ледяные ночи: сначала в Кирилло-Белозерский, а потом в Соловецкий монастырь. Пусть учится, постигает — нельзя «всем уноровить».

Алексея Адашева он отправил в Ливонию — сначала воеводой, затем наместником. Но потом не выдержал — повелел взять под стражу и учинить суд над вчерашним любимцем.

«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...» Но не захотел он казни Адашева на глазах у радостных бояр, и вчерашний царский любимец подозрительно скончался в одночасье.

А вот брата его он казнил... Ибо вскоре детская мечта его осуществилась: он стал грозным, и таким грозным, что дедово прозвание потомки навсегда забудут. Грозным в русской истории останется он один — царь Иоанн Васильевич.

Все сподвижники Адашева отправились кто на плаху, кто в монастырь — закончилась «Избранная Рада»... К 1560 году только один из ее членов по-прежнему жил во славе и на свободе — князь Андрей Курбский, потомок владык когда-то великого Ярославского княжества, воевода, прославившийся во многих битвах, «добрый и сильный», сподвижник вчерашних Ивановых реформ... Царь отправил его на Ливонскую войну главнокомандующим — Первым воеводой Большого полка...

Похоронив любимую жену, Иван скорбел, но по-царски. Новый брак открывал великие возможности венценосному вдовцу...

Начиная войну с Ливонией, он понимал, что Речь Посполита в стороне не останется.

Брак с польской принцессой мог бы ее нейтрализовать... И уже через несколько дней после смерти Анастасии русское посольство отправилось к польскому королю Сигизмунду Второму, у которого было две сестры. Послам было велено посмотреть, какая из них краше, здоровее и, главное, дороднее. (Изобилие трапез, обязательный долгий сон после обеда и отсутствие движения у людей знатных порождали тучность, дородность, которые у мужчин были признаком человека важного, имеющего право на уважение, а у женщин — необходимой частью красоты.)

Пока послы описывали в подробных донесениях, кто из принцесс дороднее, Сигизмунд отказал Ивану. Польский король предпочел получить Ливонию и вскоре выступил войной против Государя всея Руси.

Но Иван нашел себе пару. Когда-то страх и трепет перед Богом помогли ему обрести любовь и согласие с Анастасией, теперь требование абсолютного подчинения, ненависть к любому прекословию, жажда отмщения, казалось, породили вторую Иванову жену.

Новой владычицей царской постели стала черкесская царевна Мария Темрюковна — дочь кабардинского князя Темрюка, который должен был теперь помогать ему в защите от набегов крымского хана. «Черная женщина» — с черными волосами, с глазами словно горящие уголья, «дикая нравом, жестокая душой»... Восточная красота, темная чувственность и бешеная вспыльчивость... Во дворец пришла Азия. Восточная деспотия, насилие — азиатское проклятие России... «Пресветлый в православии», как называл Курбский молодого Ивана, навсегда исчез...

Теперь вместо прежних любимцев, мыслителей из «Избранной Рады», во дворце — иные люди. Беспробудно пьют, веселятся... непрерывный пир, точнее — оргия. На многочасовое царское застолье приглашаются скomorохи, шуты и даже колдуны, которые нынче — в царевой свите.

Колдунов и колдуний из Лапландии держит теперь православный царь у себя во дворце!

Впрочем, и русские скomorохи считались не только лицедеями, но и кудесниками. Это была потаенная, языческая Русь, все время существовавшая рядом с православием... В ворчанье прирученного медведя, которого скomorохи водили по городским дворам для забавы народной, в звуках ветра и даже в человеческом следе на песке читали они судьбы людские. Скоморох мог взять горсть земли из-под ног прошедшего человека, прочесть заговор и сгубить его.

Опасны были эти люди — языческая смесь актеров и колдунов...

Во время пиров с шутами и скomorохами, плясавшими в древних потешных масках, полюбил Иван кроваво потешаться над гордыми боярами.

Когда начались поражения в Ливонии (битвы под Улой и Невелем), царь не мог признать неудачи своей армии. Всем бедам в государстве, как и положено деспоту, знал он всегда только одно объяснение — заговор и измена боярская... Так погибли два знаменитых воеводы из славного рода Оболенских — князь Михаил Репнин и князь Юрий Кашин, участвовавшие в ливонских битвах.

Гибель Репнина царь-актер поставил театрально... Во время пира, когда с гиканьем и свистом у царского стола плясали любимые царем скomorохи, Иван повелел славному воеводе напялить скomorошью маску и тоже плясать. Но князь отказался присоединиться к «проклятым церковью колдунам», с достоинством отшвырнул прочь маску, протянутую царем.

И царь разрешил этот спор между повелением Государя и религиозными установлениями. Во время всеобщей за Репниным пришли в его домовую церковь. Осанистый боярин стоял на коленях — молился. Близ алтаря его и убили... Зарезали в ту же ночь царские слуги и родича Репнина, князя Кашина, — тоже подождали, когда он пойдет на молитву, и убили, «наполниша кровью весь помость церковный».

Пусть знают: Бог не спасет от гнева Государева. Все должны похолопы чтить отныне одну волю — его, царскую. Она теперь — воля Божья.

И убивал теперь царь в церквях, со скоморошьей шуткой, скаля зубы над человеческой смертью. Боярин Никита Казаринов-Голохвастов бежал от царского гнева в монахи и даже принял схиму, «ангельский чин». Но царь велел казнить его, сказав, усмехаясь: «Он у нас теперь ангел, и подобает ему на небо взлетети».

Пришла первая опала на князя Владимира Старицкого и его старуху мать — царь начал платить по давним долгам, за далекий «мятеж у царской постели». Но пока он оставил их в живых. Пусть поживут в страхе ожидания кары — это куда хуже смерти...

Между тем в Ливонии оставался последний призрак ненавистной ему теперь поры — князь Андрей Курбский. В то время Ивановы войска одержали славную победу под Полоцком — пожалуй, последнюю великую победу.

Из-за раны князь Андрей не участвовал в битве, и это тоже показалось Ивану подозрительным...

Вскоре князь был отозван из войска и послан наместником в Юрьев (ныне — эстонский город Тарту). Курбский помнил: гибель Адашева началась с назначения наместником именно в этот город. Слышал князь и обо всем, что происходило на Москве, где споро работали топор и плаха...

Была ночь, когда князь позвал жену и спросил: чего она пожелает — остаться с будущим мертвецом или расстаться с живым? И выбрала княгиня... Расставание было кратким.

Он поцеловал маленького сына, и слуга Василий Шибанов помог дородному князю перелезть через городскую стену, где ждали оседланые лошади. И Курбский поскакал к Иванову врагу — польскому королю.

Уже из Литвы князь Андрей отправил свое первое послание Грозному. По рассказу «Степенной книги», слуга Курбского Василий Шибанов доставил это знаменитое письмо в Москву и прилюдно

вручил царю, когда тот стоял на Красном крыльце. Как равный равному писал потомок ярославских князей потомку московских «кровопийственных», по выражению Курбского, князей, которые не ратными подвигами, но «скопидомством и хитростью, прислуживая неверным» захватчикам-татарам, завоевали русскую землю...

На глазах народа Иван взял письмо, а потом молча пробил ногу посланца острым концом своего посоха. И, опираясь на посох, неторопливо читал царь послание князя Андрея, а Шибанов терпел нечеловеческую боль. Истекая кровью, уже умирая, верный слуга славил пославшего его на смерть господина...

Кстати, царь в ответном письме своем Курбскому, укоряя князя за то, что нарушил крестное целование служить ему, Ивану, писал: «Как же ты не стыдишься раба твоего Васьки Шибанова? Он ведь сохранил благочестие свое и перед царем, и перед всем народом... стоя на пороге смерти, не отрекся от крестного целования тебе, прославляя тебя и вызываясь за тебя умереть...»

После гибели Шибанова следующие письма от Курбского доставлялись царю проверенным способом XVI века: их тайно подбрасывали в Кремль. Назывались такие письма «подметными»...

«Приняв и прочитав внимательно» послание Курбского, царь пришел в бешенство. Князь хорошо его изучил, стрелы попали в цель — все укоризны в избиении «добрых и сильных» бояр, имена погубленных им воевод, напоминания о том, чего он будет страшиться до самой смерти: о Страшном суде, о безвозвратно ушедшей праведной жизни, а главное — об угрызениях совести, с которыми Грозный всю жизнь будет бороться. Он будет молиться, простаивая часы на коленях, молиться яростно и страстно, чтобы потом... безудержно грешить. И вновь молиться.

«Твои страсти тебя терзают, — торжествуяще будет мучить его Курбский и в следующих письмах. — Ты страдаешь днем и ночью. Тебя измучила совесть... страшат видения Суда и Закона... и, словно звери, окружают тебя твои злодеяния...»

Царь спешит ответить. Ноют раны от ядовитых стрел князя... И он сам торопится заклеить обидчика. Писать — это его стихия. Не был бы Иван царем, стал бы первым великим русским публицистом. Анонимный автор, излагавший прежде свои мысли под именами Ивашки Пересветова, своих бояр и даже Юродивого, наконец-то говорит во весь голос от своего имени.

Это был его ответ не только опальному князю, но всем тайным изменникам, «во все царство письмо на крестопреступника князя

Андрея Курбского со товарищи». Впрочем, и первый российский диссидент, получивший возможность публично спорить с властью, Андрей Курбский тоже распространял свои послания по городам. Оба хотели, чтобы об их словесной битве знала вся земля русская.

Как всегда, в гневе Иван гениален. Его письмо — это страстный монолог. Он, видимо, диктует — льется его живая речь.

На небольшое письмо князя царь отвечает на множестве страниц. То крик боли и покаяния, потрясающая искренность, страстное желание оправдаться... нет, не перед Курбским — перед собой! («Как перед священником изливаешься», — напишет насмешливо князь о царском ответе.) Но искренность сменяется любимым Ивановым актерством — послание пересыпано бесконечными ироническими вопросами к князю. Царь обожает публичные диспуты, но умеет сражаться и на бумаге.

«Не узришь ты моего лица до Смертного суда», — пишет ему Курбский. «А кому захочется твое эфиопское лицо увидеть?» — парирует Иван и тотчас срывается на вопль ярости — следует поток поношений князя: «дерьмо смердящее», «псово лаяние», «бешеная собака», «бесовское злохитрие»... Но ярость сменяется печалью: «А спрашиваешь меня, почему чистоту не сохранил? Все мы есть человеки...» И тут же — презрительное высокомерие недостижимого владыки...

Все перепутано в царских ответах, как и в душе царя.

В их переписке — первая русская полемика о свободе, о власти и всеобщем холопстве на Руси. Причем, согласно традиции наших полемик, это спор глухих — каждый пишет только о том, что его интересует, старательно не отвечая на конкретные доводы и вопросы оппонента.

Курбский упрекает Ивана в бессмысленном истреблении бояр и воевод, которых царь заменил «жалкими каликами и угодниками нечестивыми». Иван же отвечает о своем: царь, как Бог, «даже из камня может воздвигнуть чада Авраама», и вообще, «с Божьей помощью найдутся вельможи у меня и опричь вас, изменников».

Курбский пишет о том, что «прелютые и прегордые русские цари... советников своих за холопов держат, а в иных государствах просвещенных вельможи не холопы, но советники», и живут там они «под свободами христианнейших королей и много пользы приносят державе...».

А Иван отвечает: «Холопий своих мы вольны жаловать и казнить».

Он искренне не понимает князя. У подданных есть только одна свобода — повиноваться.

И у царя есть свобода — повелевать, казнить и миловать.

Бегство Курбского завершило переворот в душе Ивана. Как всегда, он сумел заглушить в себе мучения, рожденные письмом вчерашнего друга, и оставил себе один желанный вывод: все бояре — изменники. Если лучший из них нарушил крестное целование — никому нет веры.

Топор и меч — только эти лекарства излечат их бесовские души...

В конце 1564 года из ворот Кремля выехал целый поезд саней и возов. Объявлено было, что царь едет на богомолье, но прежде он «никогда так на богомолье не езживал»... Бесконечные сани везли царское имущество, казну, и главное — государственный архив. В царских санях сидел Иван со своей «черной женой». Мария Темрюковна пугала людей огненными глазами и смуглым лицом — рядом с белолицыми теремными боярынями она и впрямь казалась «эфиопкой». С ними ехали: ее брат, князь Михайло Темрюкович, дети Ивана, немногие приближенные к царю бояре и многочисленные служилые люди, дворяне, которым было велено взять с собой жен, детей, коней, оружие и слуг.

Среди отъезжавших были и новые любимцы царя, отец и сын — Алексей и Федор Басмановы. Алексей Басманов — воевода, не раз спасавший Русь от набегов крымских татар, уже успел печально прославиться усердием царедворца — он исполнял теперь самые страшные поручения своего Государя. Его сын Федор стал первым любимцем у Ивана — без него царь «не мог ни веселиться на пирах, ни злодействовать». С Федором, как утверждали молва и летописцы, «царь предавался содомскому греху...».

Уезжали с царем и оскудевший князь Афанасий Вяземский, и мало кому тогда известный Григорий Вельский по прозвищу Малюта Скуратов (этот безродный человек никакого отношения к великому роду князей Вельских не имел). Малюте суждено будет стать символом страшного дела, ради которого и покидал царь Москву. И его, и многих жалких вчера людишек готовился поставить Иван в задуманном им деле превыше «добрых и сильных». Им он верил, ибо ему они были всем обязаны.

Поезд из саней и возков, покинув Москву, выехал на ярославскую дорогу и после остановки в Коломенском прибыл в Троице-Сергиеву лавру. Царь долго молился, но потом, вместо ожидаемого возвращения в Москву, поехал далее...

Двигались неторопливо. Только через месяц пути царский поезд достиг старого охотничьего села московских Государей — Александровой слободы. Здесь царь и остановился. Отсюда отправил он в Москву сочиненные им в пути две грамоты.

Уже целый месяц в Москве не было от Государя никаких известий, когда пришли эти царские грамоты. Их зачитали, как и было велено царем, на площади — перед всем честным народом.

Будто продолжая свой спор с Курбским (или с самим собой?), Иван огласил в первой грамоте список измен князей и бояр, воевод и дьяков (министров), архимандритов и игуменов — на них он «положил свой царский гнев». Среди бесконечных, старательно перечисленных обвинений были страшные: в отравлении Анастасии, в том, что замыслили бояре убийство детей его...

Вторая грамота была к простым людям московским, где царь объявлял, что зла на них не держит, «ибо вин за вами нет никаких». А вот с изменниками-боярами он жить на Москве не желает, отчего и пришлось ему бросить «возлюбленный град» и уехать скитаться.

В страхе слушал простой народ царские грамоты. Бояре, которых должно было уважать, объявлялись изменниками. Но ужас был в том, что царь покинул их — народ лишился священного деспота, заступника перед Богом и угрозой нашествия иноземцев. Кто их защитит?

В Московском государстве людям, по словам историка, «легче было представить страну без народа, чем без царя». И народ в страхе требовал возвращения Государя. Иван все рассчитал точно...

К нему отправилась депутация священнослужителей. Долго молили вернуться, и наконец он сменил гнев на милость. Но с условием, чтобы духовенство более не чинило ему «претительных доук» — скучных запрещений карать изменников.

Согласились. Со всем согласились, только бы царь вернулся. Хотя и понимали, что согласились на великую кровь.

Вернувшись в Москву, Государь объявил невиданное: едва успешнее сложиться объединенное государство он делил вновь — на Земщину и Опричнину.

Опричнина — загадочное слово... Так на Руси называлась «вдовья доля». Ее положено было после смерти князя выделять его вдове.

Это была все та же любимая игра царя-актера: представиться униженным, чтобы потом восстать страшным и грозным. Сейчас он играл несчастного, гонимого изменниками-боярами, вынужденного

просить в своем собственном государстве жалкую «вдовью долю» своей матери.

Однообразные царские игры... Впоследствии, решив казнить боярина Ивана Федорова, он заставит его надеть царские одежды, посадит на престол и, униженно кланяясь, скажет ему:

«Видишь, ты на троне сидишь моем. Говорят, мечтал ты об этом, заговоры строил...» И грозно добавит: «В моей власти мечту твою исполнить — посадить тебя на трон... Но в моей власти и снять тебя с трона!» Ударом ножа он повергнет несчастного с престола, и будет лежать великий боярин в луже крови — в царском одеянии, у подножия трона...

Вскоре в особом указе царь объявил: по всей стране лучшие земли отдавались ему, в его «вдовью долю» — Опричнину, а все остальные он оставлял боярской Думе — в Земщину.

Делилась и столица: по одну сторону, к примеру, Никитской улицы начиналась Опричнина, а по другую — Земщина.

Так делилось не успевшее окрепнуть, великой кровью народной недавно объединенное государство. Вся страна — делилась! Из Опричнины изгонялись бояре и не взятые в опричники служилые люди. Им давались другие вотчины и поместья — в Земщине.

Опричнина — это жизнь без изменников-бояр, без «добрых и сильных». Недаром в письме Курбскому Иван грозил: «Найдутся вельможи у меня и опричь вас...»

Впоследствии историки увидят в этом главный смысл Опричнины — в изгнании бояр.

Дескать, отбирая лучшие земли, изгоняя с них прежних владельцев на места пустынные и бедные, царь подорвал боярское землевладение, разорил потомков удельных князей и княжат...

Но удивительная вещь — все оказалось совсем иначе! Александр Зимин и другие блестящие наши историки доказали: большинство ненавидимых царем князей и княжат «благополучно перешло в следующий, XVII век... богатыми землевладельцами!» А казни и конфискация земель коснулись лишь одной, но очень определенной группы знати — бояр и князей, связанных с удельным князем Владимиром Старицким.

Неужели Опричнина, это «странное учреждение», вся кровь, все разделение земли было задумано, чтобы посчитаться с безвластным, жалким князем Владимиром? Тогда Иван воистину «безумный мятежник в собственном государстве»! Но нет, не тот характер, и ум другой — пытливый, изощренный и страшный. Тут своя задумка

была... И нелегко Опричина далась царю — недаром по возвращении из Александровой слободы «неузнаваем стал». Все волосы потерял, будто нервное потрясение пережил — от тяжелого решения...

ИЗБИЕНИЕ СТРАНЫ

Сделав Александрову слободу столицей Опричины, царь вернулся в Москву. И начались обещанные казни...

Пошли на плаху знаменитый воевода князь Шуйский-Горбатый и его сын (царь полюбил казнить — с потомством). На помосте отец и сын просили друг друга уступить место под топором — князь не хотел увидеть сына мертвым, и тот не желал смотреть на казнь отца.

Но эти первые казни в недалеком будущем покажутся истинным благодеянием! Скоро царь потребует «изыска в расправах» — и будут сжигать живьем, резать кожу на ремни, варить в кипятке... Много чего придумает для подданных изобретательный Государь всея Руси.

Создавая Опричину, царь придумал для нее мрачные символы: к луке седла опричника привязаны были собачья голова и метла. Это значило — вынюхивать измену и мести ее вон из государства! И охранять царя от заговорщиков-бояр, как охраняет хозяина верный пес. Опричники стали и тайной полицией, и государевой охраной.

Просил царь сначала для себя в Опричину «тысячу защитников против изменников», но набрал шесть тысяч. Отбирал со строгостью, чтобы, не дай Бог, не был связан опричник родовыми узами с Земщиной. А кто родство утаит, отправится на плаху, когда придет час казнить опричников...

Иностранные государства не должны были знать о начинавшейся крови, которую уготовил Государь своей истерзанной стране. На вопросы об Опричнине послы Ивана должны были отвечать, что ничего такого в их государстве нет, что все это «мужичьи бредни», а «мужичьим речам нечего верить». Но в опричниках служили и чужеземцы — авантюристами, искателями кровавых приключений Иван не брезговал. Один из них, мерзавец и палач Генрих Штаден, с искренним восторгом расскажет изумленной Европе о своих подвигах.

Но в основном служили в Опричнине русские дворяне, удалые, неродовитые и бедные.

Как известно, жаднее богатых — только бедные, так что сразу начался грабеж Земщины опричниками. И царь отлично знал, что

он начнется, более того — желал его. Штаден писал о царском указе судьям: «Судите праведно, чтобы наши виноваты не были».

Грабеж опричники вели беззастенчиво и насмешливо — удалые были! Подсылали часто к купцу слугу, который подбрасывал какую-нибудь вещь или сам оставался с нею в лавке. И тогда опричник объявлял: мой слуга обокрал меня и бежал, а купец укрывает его и краденое имущество. За это забирали у купца все его добро — судили судьи «праведно», ибо выступить против опричников значило пойти против Государя (а точнее — на плаху).

Теперь любой опричник мог обвинить любого земского в том, что тот ему должен. И земский обязан был платить немедленно — иначе били его кнутом прилюдно на торговой площади, пока не заплатит...

Князь Курбский, играя словами («опричь» значит «кроме»), справедливо назвал Ивановых любимцев «кромешниками» — людьми из кромешной адовой тьмы. Адовым воинством.

Почему Иван поощрял это грабительское удалство? Резон был — хотел всем показать: наступило новое время. Ни заслуги прежние в боях за Отечество, ни знатность рода — ничто не спасет. Есть только одна защита — служение Государю...

И еще: с Опричниной Власть обрела главное свойство, делающее ее абсолютной, — Страх перед непредсказуемостью и тайной. Никто не знает, за какие вины придет в голову царю казнить... или миловать? Никто не понимает, зачем нужна эта таинственная Опричнина, кровь и зверства.

И что за странные дикие слухи ходят: говорят, будто царь стал монахом... Все ждут и дрожат — что-то еще будет?

Царь-актер придумал в Александровой слободе игру в «монастырскую братию». Ее составили самые близкие, любимые опричники, а царь был у них игуменом.

Особая была братия... В ней был, к примеру, красавец Федор Басманов, с которым, как писал Курбский, Иван «губил душу и тело» (то же писал в своих воспоминаниях опричник Генрих Штаден). Однажды на царском пиру князь Овчинин обличил Федора «за нечестное деяние, которое творит он с царем», — и тотчас пошел на плаху...

Как и положено братии, с солнцем вставали, в колокол звонили, в простых рясах ходили.

Но под грубыми рясами скрывались расшитые драгоценными камнями кафтаны. Как когда-то у варяжской дружины его предков,

был у царя с опричниками общей стол. Но эти «монастырские трапезы» походили более на безумные оргии.

Постоянно читал он «братии» вслух святые книги. Правда, прерывал порой чтение — отлучался в подземелье. Туда, в устроенные им пыточные камеры, привозили опальных людей, там пытали их отец и сын Басмановы, князь Вяземский — отцы Опричнины...

Вскоре они сами займут места в пыточных камерах.

Иванов «монастырь» в Александровой слободе, хотя и сильно перестроенный, дожил до наших дней. В подвалах его, по уверениям старожилов, до сих пор бродят призраки несчастных...

В эти подвалы и шел Иван поглядеть, что делают с опальными умелые палачи. И, как писал современник: «Радостный возвращался».

Но тот же современник расскажет, как истово молился грешный царь: лоб расшибал в молитвах, наросты на коленях нажил от долгих молений на каменных плитах. Деньги посылал в монастыри на помин душ, убиенных им, и «синодики» — списки с именами погубленных. Всех имен своих жертв назвать не мог, писал глухо и страшно: «А имена же ты их, Господи, веси...»

«Синодики» он рассылал потому, что боялся, ибо души, загубленные им без покаяния, могли мучить его на том свете... Но боялся он только того, что убивал без покаяния... А того, что убивал, совсем не боялся, ибо считал себя хозяином жизни подданных. Все, как писал Курбскому: «Холопий своих мы вольны жаловать и казнить».

В убийствах своих царь видел только исполнение задуманного трудного дела: создать великое послушание, покорное государство — через Кровь. Не так, как «Избранная Рада» советовала, долгими убеждениями, а революционно — швырнуть вперед, через столетия, страну, обессиленную казнями и страхом. Страну, беспрекословно послушную воле царя.

В 1563 году умер митрополит Макарий — человек выдающийся, великий книжник, начавший книгопечатание на Руси. Иван начинает искать ему подходящую замену и совершает шаг, с первого взгляда весьма странный: просит Филиппа Кольчева, знаменитого игумена Соловецкого монастыря, стать митрополитом.

Филипп Кольчев принадлежал к древнему боярскому роду, был известен своей праведной жизнью, и странно было приглашать его митрополитом среди вакханалии опричных убийств, тем более что на Руси хватало иерархов, готовых быть сговорчивыми и послушными.

Сам Колычев долго отказывался — просил сначала отменить Опричнину, но царь уговорил его.

Непонятно было царское упорство — хорошо знавший людей, он должен был теперь приготовиться к долгим «докукам» от нового митрополита.

Все так и случилось. Не выдержал Колычев обещания не вмешиваться в опричные дела, и начался его нескончаемый и опасный диалог с царем по поводу каждой боярской казни. И всякий раз, выслушав митрополита, царь с трудом сдерживал гнев, только хрипел: «Молчи, чернец!» Но как молчать? Коли митрополиту смолчать о невинной крови, возопиют камни!

И Филипп не молчал.

В 1568 году — свершилось... В черной рясе, окруженный «братией», царь вошел в Успенский собор и привычно попросил у митрополита благословения. Но Филипп при всем народе отказал в благословении православному царю. «Потому как не узнаю, — сказал он, — Государя ни по одежде, ни по делам его».

Далее все шло так, как было заведено в дни Опричнины. На церковном Соборе послушные иерархи осудили митрополита за придуманную вину (особенно усердствовал новгородский владыка Пимен).

Колычев сам предложил царю сложить с себя сан митрополита. Но Иван слишком любил театр — он попросил Филиппа отслужить обедню в Успенском соборе. В разгар церковной службы опричники во главе с Басмановыми ворвались в собор, сорвали с Колычева облачение, одели в рваную рясу и увезли в дальний монастырь.

Царь повелел истребить весь род бояр Колычевых. Вдогонку мятежному Филиппу отправил он отрубленную голову его любимого племянника. И павший иерарх целовал и крестил голову юноши.

История с митрополитом Колычевым отнюдь не была странной ошибкой царя — наоборот, она полна глубокого смысла. Теперь уже всем стало ясно: заступничества не будет нигде, даже сам митрополит не сможет помочь ни людям, ни себе, ибо есть только один закон и одна воля — царская. «Холопий своих мы вольны жаловать и казнить...»

Люди вроде князя Репнина, который когда-то отказался надеть скоморошью маску, или смелого боярина, обличавшего содомские игрища Басманова с царем, уходили в прошлое.

Наступало всеобщее Молчание...

Но Государь все испытывал свой народ: крепко ли Молчание, все ли боятся. И однажды опричники вошли в Москву и забрали моло-

дых жен у людей знатных — бояр и дьяков. Теремных затворниц, которые, кроме супругов и слуг, мужчин в лицо не видели, увезли за Москву.

Навстречу им двинулся царь с сыном из Александровой слободы. Началась оргия, которой мог бы позавидовать Нерон... Самых красивых насильовали сначала царь с сыном, потом отдавали опричникам. После чего жен вернули. Как напишет Карамзин: «Вскоре умерли они от стыда и горести». Мужья скрежетали зубами, но молчали.

Все то же безумное Молчание...

А потом он принялся и за свою семью...

Среди Молчания гибель Владимира Старицкого прошла как-то незаметно. Недаром обстоятельства убийства источники излагают глухо и по-разному. По самой правдоподобной версии, позвал царь последнего удельного князя с женой и детьми в Александрову слободу. И здесь «Государь и брат их», усмехаясь, предложил им чашу с ядом: «Слышал я, хотели вы меня отравить, а теперь вот сами пейте».

И семья молча выпила чашу.

Жену своего покойного брата, монахиню Александру, которую за праведность звали «второй Анастасией», царь повелел умертвить. И другую его родственницу, старуху мать Владимира Старицкого, убили вместе с нею по приказу царя...

Государевы «испытания» не имели конца. Пришла очередь уже не людей, а целых городов...

Он выбрал Новгород — город, который основал его прародитель Рюрик («Пошел Рюрик к Ильменю и срубил город и назвал его Новгород») и где он был похоронен. Когда на месте Москвы еще непроходимые леса стояли, Новгород был уже великим городом. И не просто великим, а Господином Великим Новгородом — господином собственной судьбы, невиданной на Руси республикой, вольной и славной, существовавшей триста пятьдесят лет и пресеченной его дедом... Еще живы были люди, помнившие битвы с московским князем, и колокол на Софийском соборе гудел, напоминая о днях вольности. И много было в Новгороде сторонников Владимира Старицкого и князя Курбского. Не крепка была там власть царя, и он это знал. И решил укрепить ее проверенным способом...

Для похода на собственный город нужен был повод. Так появился донос о том, что Новгород «сносится с польским королем, и хочет от Московского государства отложиться, и еще хочет извести царя

и посадить на царство князя Владимира Старицкого». Как можно сразу иметь эти весьма противоположные цели, уже никто не спрашивал. Царь добился своего — в смысл доносов уже не вникали.

Так появился первый повод к расправе. А уже после смерти Владимира Старицкого в Новгороде была найдена за иконой грамота к польскому королю. Как она туда попала, нам, живущим в XXI веке, объяснять не надо. Впрочем, это было понятно даже в XIX веке Карамзину...

Задумав великое избиение, царь захотел заручиться благословением святого человека и отправил к низложенному митрополиту Филиппу палача своего, Малюту Скуратова.

Как и все деспоты, Иван ценил зрелище человеческого падения, любил наблюдать, как простые низменные чувства — страх, тщеславие, жажда мести — движут людьми... Недаром он держал в опричниках родного брата убиенной жены Владимира Старицкого — Никиту Одоевского, и племянников убиенного, князей Петра и Семена Пронских, и дворецкого его, Андрея Хованского... Радостно было наблюдать ему их жалкое рвение на службе у него — убийцы их родича и господина.

Посылая к Колычеву кровавого Малюту, царь очень рассчитывал на страх Филиппа и ненависть к предавшему его новгородскому владыке Пимену, который должен был пострадать в грядущем избиении. Но царь обманулся — Филипп отказался благословить будущую кровь, сказал: «Благословляют только на доброе дело».

И тогда Ивановы подданные получили очередной урок: Филипп был тотчас удушен спорым Малютой.

С великим опричным войском выступил Иван на Новгород. Начиная от Клина, он все превратил в пустыню, Тверь сжег дотла...

Новгород окружили. Сначала ограбили близлежащие монастыри. Монахов ставили на «правеж» — избивали до смерти, а тех, кто выжил, по дальним монастырям разослали. Потом «начал великий царь громить Новгород».

Бесстрашно потопил он в крови беззащитный город. По тысяче человек в день привозили на суд к нему и любимому сыну его, Ивану, который во всех злодействах был рядом с отцом.

И судили они людей, и мучили их перед смертью. Сжигали заживо, секли и на кол сажали, в Волхове топили, а кто всплывал, тем опричники головы разбивали баграми.

По летописи, шестьдесят тысяч новгородцев истребил Государь. Истребляя, не забывал молиться: «А имена же ты их, Господи, веси...»

А потом он собрал жалкую кучку оставшихся в живых горожан, у которых отняли все имущество, и попросил их «молиться за державство наше... А что касается крови вашей, то пусть она взыщется с изменников».

И потянулись возы с награбленной добычей вслед за уходящим опричным войском. Генрих Штаден рассказывает: когда он в поход пошел, была у него одна лошадь, а вернулся он с двадцатью — запряженными в сани, наполненные добром. И как он добро это добывал, Штаден тоже поведал, не таясь: в богатый двор новгородской княгини заехал и хозяйке, в ужасе попытавшейся бежать от него, ловким броском всадил топор в спину. Потом, перешагнув через окровавленное тело, пошел «познакомиться с обитателями девичьей». Хорошо познакомился... Но от грабежа и любовных утех так утомился, что «не стало больше сил» насиловать и грабить, — ограничился двадцатью возами...

А новгородского владыку Пимена Государь пощадил, но по-своему — веселое представление устроил. Напялили опричники на владыку скоморошью маску и сыграли его свадьбу с... кобылой! И велел царь Пимену на той кобыле в Москву ехать, по дороге играя на дудке. И ведь поехал! Поехал владыка, выкупая позором жизнь...

Впереди был Псков. В городе молились и ждали расправы. Но казни и грабеж только начинались, когда город был спасен. Не жителями — они безропотно покорились подступившей банде головорезов во главе с собственным Государем. Город спас знаменитый псковский юродивый.

Царь захотел повидать его, и юродивый пришел с большим куском сырого мяса во рту.

Иван смутился и спросил его: «Что ж ты мясо-то ешь, ведь нынче пост?» — «А ты еще хуже — человечье мясо в пост жрешь», — ответил юродивый. И испугался Государь всяя Руси. Никого не боялся — святого человека испугался. Ушел из Пскова...

Но в этом прекрасном летописном предании не вся правда. Царь понял: задача выполнена. Сама мысль о непокорности стала невозможна в опустошенных городах и душах. Теперь это были покорные рабы, которых осмелился защитить только юродивый.

Глядя на бесконечные возы с добычей, которые везли его опричники, и вспоминая грозные слова юродивого, понял царь, что превысил меру разбоя и крови. И тут же подумал об «ответчиках». Так всегда у тиранов: кто-то должен стать виновным за пролитую ими кровь...

И еще: при виде своих гордых, веселых опричников он понял: перед ним последние люди, которые чувствовали себя вольно на Руси, забывшие, что такое страх. Страх перед царем.

И тотчас по возвращении он им напомнил...

Сначала состоялись следствие и розыск в Александровой слободе, где главные опричники были обвинены в том, в чем до этого обвиняли других, — в измене Государю. Им, расправившимся с Новгородом и Псковом, было вменено... пособничество Пскову и Новгороду в желании «отложиться к польскому королю»! Таков был царский юмор.

Под умелыми пытками сознавались в этом бреде опричники, еще вчера умело пытавшие других, — князь Афанасий Вяземский, отец и сын Басмановы. Отцы Опричнины были беспощадно пытаны... опричниками.

Сотни плах были воздвигнуты в Москве, и сотни палачей встали у плах — Иванов «37-й год»... Виселицы выстроились вдоль всей кремлевской стены, но толпы не было, люди не пришли. Горожане затворились в домах, улицы опустели — Москва решила, что пришел ее черед, что царь задумал расправиться со своей столицей. Никто не шел на площадь, все в молчании и ужасе покорно ждали.

Но какое же царское представление без людей? Их согнали, и царь успокоил толпу: не на них, простых людей, его гнев, но на «добрых и сильных».

«Прав ли суд мой? Ответствуй, народ!» — вопрошал царь толпу. И народ привычно отвечал: «Прав ты во всем, Государь! Пусть погибнут изменники!»

Показалась процессия — вели первых осужденных. Но виселицы у кремлевской стены были не для них, о виселицах они могли только мечтать. Царь позаботился, чтобы казни опричников не уступали по изощренности казням их жертв. И несколько дней длились их мучения, за которыми наблюдали главные палачи — оба Ивана, отец и сын.

Перед расправой «вычитывали вины» осужденных. Дьяк Висковатый, верный слуга Ивана, ведавший царской внешней политикой, был обвинен в том, что служил он польскому королю и хотел, чтобы тот забрал Новгород и Псков, а еще в том, что служил крымскому хану и звал его грабить Русь, и еще в том, что служил Турции и хотел «отложить» к ней Казанское и Астраханское царства... «Многогрешный изменник» стоял теперь у столба, и за эти его «измены» опричники весело отрезали у него куски тела.

А Иван уже знал: завтра многие из этих весельчаков будут качаться на приготовленных виселицах...

Висковатого разделали, как тушу: подвесили на крюк и четвертовали. Затем на площади был водружен кипящий чан. Пришла очередь казначея Никиты Фуникова, женатого на родственнице вчерашнего главного опричника, Афанасия Вяземского. (Самого Вяземского уже замучили. Не было на площади и Басмановых. Погибли они страшно: царь, как всегда, захотел увидеть человеческую подлость и повелел Федору убить отца, и тот убил. Потом умертвили и вчерашнего царского любовника. Щедро царь от грехов своих избавлялся...)

Фуникова, которому царь не простил участия в «мятеже у царской постели», облили сначала кипятком, а потом холодной водой, и кожа с него сошла. Желудок раздели и «возили по веревке», пока не умерла. А юную дочь царь отдал своему сыну — пусть позабавится! Грозный был государь... Но как сказал историк: «Он мог губить, но не мог уже изумлять». К самым страшным злодействам, к самым нелепым обвинениям люди давно привыкли. О справедливости, о ближних уже никто не думал, все хотели только одного — выжить.

ТРЕТИЙ РИМ

Он устроил удивительный пир для своих приближенных (точнее, для тех, кто еще оставался в живых). Как всегда, на роскошных его пирах, поражающих воображение иноземцев, на золоте и серебре подавали до сорока разных блюд — баранину, телятину, дичь, гусей, уток...

Как всегда, гостей потчевали драгоценным виноградным вином, привезенным из-за границы.

Разносившие блюда столтники по обычаю говорили пировавшим: «Это царь посылает тебе». Получивший блюдо вставал и благодарил батюшку Государя. Так же обносили пировавших вином: «Жалует тебе царь эту чашу». И так же вставали гости и благодарили щедро хозяина.

Но вина на том пиру было куда поболее обычного. Бесконечно жаловал в тот день Иван пировавших своей царской чашей, много часов подряд пили гости. Ибо царь в тот день ждал, когда развяжутся боярские языки, и велел список пьяных речей составить...

Составили. И оказалось, как пишет летописец: «Всяким глумлением глумились бояре, песни срамные распевали и срамные слова

говорили...» Но ничего запретного так и не услышал царь. Ни от кого не услышал, хотя у каждого он казнил родственника или друга.

Речи были неразумные, но смиренные.

Итак, цель была достигнута. Третий Рим, о котором он мечтал, был построен. То, чего добивались его предки — покорность бояр и народа, — он сумел сделать абсолютным. Уже некому было противоречить царю.

Да он и не был уже просто царем. Он стал Богочеловеком — Иваном Грозным.

В этом — истинная цель Опричнины, а не в какой-то жалкой местной жалкому князю...

Теперь ему принадлежало все. Огромная страна стала его вотчиной, в которой он распоряжался как истинный владелец. И законом здесь была только его воля.

Теперь он мог осуществлять любые реформы — и незамедлительно, а не так, как советовали ему жалкие советчики из «Избранной Рады». Когда-то он не смог заставить Стоглавый собор ограничить рост монастырского землевладения — теперь он сделал это мгновенно. В 1580 году он попросту запретил духовенству впредь покупать новые земли, и ни у кого даже мысли не было обсуждать царское решение.

А в следующем году он сделал еще один шаг к окончательному прикреплению крестьян к земле: ограничил их право уходить от одного владельца к другому в Юрьев день. Теперь многочисленный класс новых рабов трудился на его служилых людей. Мирно, без всякого ропота отдали крестьяне свою свободу грозному царю.

Безумное Молчание...

Богочеловек... В этом обличье он принимал иноземных послов. В огромной палате, расписанной библейскими сценами, на золотом возвышении стоял его трон. Образ Спасителя — справа, лик Богородицы — прямо над троном. Множество придворных в парчовых платьях, подбитых соболем, осыпанных драгоценными камнями, толпилось в палате...

И вдруг наступала тишина, будто дворец вымер. Недвижно стояла стража вокруг трона — в атласе и бархате, с золотыми цепями на груди. Сверкали, отражая множество свечей, топорики стражников.

Появлялся он — в золотом одеянии с бриллиантовыми пуговицами. На голове — священная шапка Мономаха. В руке — золотой посох.

Послы вручали грамоты, и тотчас по его знаку удалялись придворные, чтобы сменить облачения и явиться в зал белыми ангелами — в белых одеждах, опущенных горностаем. Они переодевались в царском гардеробе, там оставляли свои прежние роскошные наряды. Ибо все эти блестящие одежды принадлежали царю — как и жизни людей, их надевавших.

Он показывал англичанину Горсею свою сокровищницу. До смерти не мог забыть потрясенный иноземец горы жемчугов, изумрудов, сапфиров, рубинов, золотой и серебряной посуды... Там было все, что накопили бережливые предки Ивана, все, что отобрал он у казненных князей, все, что награбил в Великом Новгороде, веками создававшим свое богатство...

Он был богатейшим Государем беднейших подданных.

Теперь он выезжал окруженный огромной свитой, на лошадях в великолепной драгоценной сбруе. Впереди скакали по трое князья и бояре. В охране царя было до полутысячи стрельцов. Все то же явление Богочеловека...

Ни одно дело теперь не решалось без него — он сам читал все челобитные и сам вершил суд. Хозяин земли и холопов... Так возникла Иванова страна, где еще во времена его отца, как писал путешественник барон Герберштейн, «рабство, несовместимое с духовным благородством, было всеобщим... ибо самые вельможи назывались холопами Государя». «Мы служим Государю не по-вашему», — сказал барону один из этих вельмож-холопов.

Раздумывая над самодержавием в России, Карамзин задавался вопросом: «Не знаю, свойство ли народа требовало для России таких самодержцев или самодержцы дали народу такое свойство?»

«И то и другое. Ибо только абсолютное, Великое самодержавие способно создать Великую Россию». Так они ответили — сначала Иван, потом его Ученик всеми делами своими ответили!

Но абсолютная власть развращает абсолютно, и тиран обязательно заболевает последствиями тирании. Придумывая преступления, он постепенно сам начинает в них верить.

Мания подозрительности — обязательная кара для тирана.

А существование Богочеловека непременно порождает болезненное одиночество...

Не прошло и года после массовых казней на Красной площади, как пришел на Русь крымский хан Девлет-Гирей. Царь выступил с опричным войском и... неожиданно бежал от хана, испугался дать сражение. Оставив Москву, он отвел войска в Коломну, оттуда

в Александрову слободу и дальше — в Ярославль. Беззащитная Москва была брошена на произвол судьбы.

Так он боялся. Но не хана! Боялся изменников-бояр, которые могли выдать его хану.

Поверил... В собственные басни поверил!

Хан подошел к Москве и зажег предместья. Много страшных пожаров знала Москва, но такого огня еще не было. Спасаясь, люди бросались в реку и там тонули. А когда пожар угас, некому было хоронить и оплакивать мертвых — не осталось жителей в великом городе.

Девлет-Гирей смотрел с Воробьевых гор на исчезающую в огне Москву и понял, что делать ему здесь уже нечего. Города более не существовало. И хан вернулся в Крым, погнав туда тысячи русских пленников.

Из Крыма он отправил посольство в сожженную Москву. Он писал презрительно Ивану:

«Я разграбил твою землю и сжег ее... Ты не пришел ее защитить, а еще хвалишься, что московский царь. Была бы у тебя храбрость или стыд, ты бы не прятался... Но я не хочу твоих богатств — верни мне Казань и Астрахань...»

В жалкой черной одежде встретил царь-актер послов. Долго объяснял им, что ничего у него не осталось: все татары сожгли и разграбили. Так он юродствовал, а потом предложил отдать одну Астрахань, чтоб хан посадил туда своего сына, но... чтоб рядом с ним сидел московский боярин. И дань хану предложил платить.

Послы оставили царю подарок — кинжал, чтобы он от нищеты и позора грядущей гибели закололся. Хан обещал опять прийти на Русь.

В то время Ивану должно было казаться, что тени ожили, — случилось все, о чем предупреждала «Избранная Рада». Швеция и Речь Посполитая стали его врагами. Война с Ливонией грозила закончиться бесславно — вести войну на два фронта он не мог...

В следующем году Девлет-Гирей вновь пошел на Москву. На этот раз Русь и царя спас воевода Михайло Воротынский — опальный, ненавистный ему гордый боярин. Много лет провел прославленный воин в темнице и ссылке, а теперь Иван вынужден был вручить ему судьбу страны. Не было у него выбора: все остальные знаменитые воеводы уже оставили свои головы на плахе.

Воротынский не обманул ожиданий: на подступах к Москве, у Подольска, встретил войско хана и разбил его. Хан дал второе

сражение, но и оно окончилось кровавым поражением крымцев. Войско Девлет-Гирея перестало существовать. Сил повторять набеги у хана уже не было.

Как и положено тирану, Иван не простил Воротынскому его победы после жалкой своей трусости. Воеводу обвинят в измене и подвергнут любимым царским пыткам — долго будут держать тучного боярина над горящими углями, потом убьют...

А Москву быстро отстроили. Умирали от голода и непосильной работы, но отстроили.

Ибо так велел пресветлый Государь Иоанн Васильевич.

Царь-актер не забывает про игру: через несколько лет после того, как крымский хан сжег Москву, Иван вновь разделил государство. Теперь в Земщину он назначил... царя! И царем этим стал... татарин! Безвластный касимовский хан Симеон Бекбулатович, которого короновали в Успенском соборе!

Целый год, к изумлению будущих историков, Иван упоенно играл в эту загадочную игру.

Он писал униженные челобитные Симеону, величал его «Великим князем всея Руси», а себя лишь «Великим князем Московским». Симеон сидел на золотом троне, а царь занимал на лавке место боярина...

Но это не было мазохистским безумием. Это было политическое шоу, полное смысла.

Кланяясь этому жалкому татарскому хану, он как бы напоминал Руси, кто освободил ее от татарского ига, кто завоевал Казань и Астрахань, кто превратил некогда грозных ханов в жалкое посмешище, предмет для царских игрищ.

В следующем году игра наскучила, и царь убрал с трона ничтожного Симеона. Его дело было сделано: он напомнил о великих подвигах Ивана.

Разразилась катастрофа в Ливонии. После смерти Сигизмунда сейм избрал королем Стефана Батория — венгерского рыцаря, великого воина. Баторий нанес сокрушительные поражения ослабленной террором царя русской армии. Вскоре вся Ливония была покинута Ивановым войском.

Баторий пришел на Русь, осадил Полоцк. Царь с войском стоял недалеко от города, но (в который раз!) уклонился от боя. Полоцк пал.

Был осажден и Псков, но горожане героически оборонялись и не сдали город...

Начались трудные переговоры о мире. Баторий хотел получить уже не только Ливонию, но и русские города.

Враждующие стороны обменивались саркастическими письмами. Иван сообщал Баторию, что он, природный Государь, получил свой трон в наследство от прародителей, соизволением Божьим, а не «хотением многомятежной толпы». Так презрительно намекал он на избрание Батория королем. Но его противник тоже был силен в сарказмах — отвечал Ивану, что негоже тому гордиться и забывать, что он сын дочери польского перебежчика, изменника.

Так они и препирались. Иван корил Батория: дескать, вместо того чтобы договориться, он продолжает проливать кровь христиан. А Баторий отвечал ему, что знает способ немедленно прекратить войну: пусть сойдутся они с Иваном один на один в битве рыцарской, кто выиграет — тот и победит. Иван на вызов не ответил.

Наконец заключили мир. Доблесть защитников Пскова спасла русские города, но всю Ливонию, когда-то им завоеванную, Иван потерял.

Мир со Швецией был еще унижительней: Иван лишился почти всего побережья Финского залива, земель, принадлежавших Великому Новгороду. Таковы были плоды кровавого самовластия, уничтожившего славных воевод. Слабость грабительского, развращенного опричного войска была доказана.

Личную жизнь царя после смерти Анастасии отражают его собственные слова из послания в Кирилло-Белозерский монастырь: «Горе мне, окаянному!.. Горе мне, грешному! В пьянстве, блуде и прелюбодействе живу...» Так с упоением, но без всякого преувеличения клеймил себя царь.

Но «не согрешишь — не покаешься», и все продолжалось... В преданиях Александровой слободы остались и необычные воспоминания о голых девах, в которых опричная «братия» стреляла из луков, и рассказы о более привычном применении голых дев. Если сопоставить все это с предыдущей его жизнью, то царь имел право хвастаться англичанину Горсею, что он «растлил тысячу дев».

В 1569 году умерла опостылевшая Мария Темрюковна, с которой царь перед ее смертью сильно ссорился. Не болела — и вдруг умерла. И почему-то вослед за ней был торопливо казнен ее брат... Царь, естественно, обвинил бояр в отравлении жены.

В октябре 1571 года он женился на Марфе Собакиной из коломенских богатых вотчинников, но уже через три недели она умерла.

Царь поспешно объявил, что она была очень больна, хотя и было это невероятно — царскую невесту осматривал опытный лекарь.

В четвертый раз жениться он не мог по церковному уставу, но иерархам пришлось смириться — наложили на царя епитимью и позволили... Уже в апреле 1572 года он женился на Анне Колтовской. Не прошло и полугода, как красавицу отправили в монастырь.

В 1575 году пятая жена, Анна Васильчикова, умерла всего лишь через год после свадьбы, и женолюбивый царь стал опять свободен. В шестой раз (уже без венчания) он взял в жены вдову дьяка Василису Мелентьеву. Ее он вскоре постриг в монахини, так как заметил «смотрящу на Ивана Девтелева, князя, которого и казнил». Василиса приняла эстафету смерти от предыдущих жен — вскоре умерла.

В седьмой раз неутомимый царь женился на Марии Нагой. Другими на свадьбе были Борис Годунов и Василий Шуйский — будущие герои Смутного времени. Так призрак грядущей Смуты появился во дворце...

Под конец жизни он превратился в развалину. Антрополог Герасимов, изучивший его скелет, нашел мощные солевые отложения на позвоночнике царя, которые должны были причинять ему острейшие боли, вызывая приступы ярости. Дурные болезни, постоянное обжорство и пьянство на пирах, неподвижность (он уже не мог садиться на коня) его доконали. Это был старик, которого порой даже носили. Но все еще страшный, кровавый старик...

Бесконечно меняя русских жен, Иван не уставал мечтать о династическом браке. После неудачного сватовства к польской принцессе, решил он попытать счастья с принцессой шведской. Все та же мечта — породниться для союза в Ливонской войне.

Он захотел жениться... на жене находившегося в тюрьме шведского принца Юхана, вел переговоры с посадившим его туда королем Эриком. В Стокгольме на смотрины уже отправились русские послы, но в это время, к его сожалению, принц Юхан не только вышел из темницы, но и сам сел на трон, свергнув Эрика. Так что пришлось Ивановым посланцам объясняться с новым королем, заявлять, что невинного их Государя ввели в обман...

Пытался он породниться и с английской династией.

Все началось с попыток англичан захватить торговлю с Россией. В Лондоне была основана Московская компания, и, хотя несколько ее судов погибли (два потонули у берегов Шотландии и два — в Белом море), торговля началась.

Царь решил использовать этот великий торговый интерес англичан. Обожавший писать Иван начал забрасывать посланиями-предложениями английскую королеву Елизавету:

«Отныне Англия и Русь должны быть во всех делах заодно». Он предложил заключить договор: королева должна запретить своему народу торговать с его врагами — поляками, позволить выехать в Московию корабельным мастерам «и везти им с собой на Русь пушки и оружие».

И еще был примечательный пункт договора: «Если кто-нибудь, Иван или Елизавета, по несчастью своему вынужден будет оставить свою землю, то может жить в государстве другого без страха опасности, пока беда минует и Бог переменит его дела...»

Это был все тот же параноический страх возмездия...

Из Англии на Русь и прибыли двое, которым было суждено обратиться на себя внимание грозного царя.

Один из них — некто Елисей Бомель (так его называли в Москве). На самом деле это был вестфалец Бомелиус, изучавший медицину в Кембридже и занимавшийся астрологией, да столь успешно, что лондонский архиепископ отправил его в тюрьму как чернокнижника. Откуда и забрал его на Русь Иванов посол, знавший любовь Государя к колдунам.

В Ивановом дворце астролог Елисей развернулся. Он готовил яды, которые избавляли Ивана от лишних казней (и, видимо, от некоторых из жен). Он стал царским любимцем и советчиком, его боялись и ненавидели... Но знавший толк в делах небесных вестфалец не понимал, как опасна любовь владык земных. В очередной раз муки царской совести потребовали жертвы — нужно было найти очередного виновника несправедливых казней... Во всем был обвинен Бомелиус — и в том, что изводил людей ядами, и в том, что «волхованием внушал царю убивать добрый народ»...

Летописец писал: «Был Елисей у него в приближение любимцем... хотел отвлечь царя от православной веры... науськивал на убийство родов княжеских и боярских...» и колдовски внушал боголюбивому царю «бежать в Английскую землю, а остальных бояр побить».

И любимец царя Бомелиус был сожжен.

Другой пришелец из Англии был куда удачливей. Его звали Энтони Дженкинсон, и был он агентом Московской компании — одним из тех англичан, которые впоследствии завоюют для своей страны целый мир.

Европа, Африка, Русь — таковы маршруты путешествий этого неутомимого человека.

Из Московии направился он в Азию: Бухара, Самарканд... Он принимал участие в сражениях, много раз был на волосок от гибели, но оставался жив. На сотнях верблюдов, без охраны, вез свои товары, разорялся и вновь обретал богатство. Только такую жизнь он ценил... В Лондоне он появился с черноволосой красавицей, которую представил дочерью хана и подарил королеве Елизавете.

Этого человека и выбрал Иван посредником в деликатном поручении. Елизавете шел уже четвертый десяток (она была тремя годами моложе Ивана), но могущественная правительница была не замужем... Не желая попасть впросак, гордый царь на этот раз решил избежать переписки и выяснить перспективы брачного союза через Дженкинсона.

Елизавета привыкла умело отказывать искателям ее руки. Она сообщила очередному претенденту, что решила остаться девственницей, ибо обручена со своей нацией. Пеликан, вырывающий из собственной груди куски мяса, чтобы накормить голодных птенцов, — вот символ ее жизни во имя своего народа... Логика королевы, любившей говорить подданным:

«Может быть, у вас будет государь куда более выдающийся, но никогда не будет более любящего», — вряд ли возможно было понять Ивану, распоряжавшемуся жизнью и смертью своих подданных по собственному усмотрению.

От «королевиного отказа» Иван пришел в обычную ярость и отправил послание, где постарался объяснить ей, кого она отвергла! Он — природный Государь, владеющий людьми, как холопами, а «твой бояре с моим послом все о торговых делах говорили... неужели мимо тебя твои люди государством владеют?» — саркастически спрашивал царь и заканчивал письмо знаменитой фразой: «И ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая (обыкновенная. — Э. Р.) девица». В этом обличении позднего девичества королевы звучала наивная злоба отвергнутого жениха.

Обиженный царь нанес ответный удар — все привилегии у английских купцов были отобраны. «Московское государство... и без английских товаров не скудно было», — писал Елизавете царь.

Умная королева могла только с улыбкой читать эти оскорбления — она уже поняла яростный характер царя-деспота. Но Иван думал о себе, ей же надо было думать об английской торговле и о прибылях «возлюбленного Отечества». И вскоре Иван получил

миролюбивое письмо, где она писала: «Никакие купцы не управляют нашими делами, а мы сами о них печемся».

И, умеряя Иванову спесь, сообщала, как непросто ей дружить с московским царем: «Многие государи писали к нам, прося прекратить с вами дружбу, но никакие письма не могли побудить нас к исполнению их просьбы».

В качестве доказательства дружбы королева послала в Москву своего медика Роберта Якоби, а также аптекарей и цирюльников, которые должны были пещься о драгоценном здоровье царя. С медиком Иван тотчас завел любимый разговор: нет ли для него в Англии подходящей невесты — вдовы или девицы, родственницы Елизаветы?

И Якоби легкомысленно назвал имя племянницы королевы — Марии Гастингс...

Иван тотчас всполошился и повелел Афанасию Нагому, родному брату своей жены (!), подробно расспросить о возможной невесте, после чего в Лондон был немедля отправлен на смотрины царский посол Федор Писемский. Он должен был привезти портрет невесты и подробно сообщить, в меру ли она дородна, бела ли... Послу были даны инструкции: если скажут, что Государь уже женат, отвечать, что взял он в жены дворянскую дочь, не по царскому своему положению. И если племянница королевы достаточно дородна и «великого дела достойна», то объявить, что Государь жену свою оставит и возьмет в жены Марию Гастингс.

Елизавета, наслышанная о любовных подвигах Ивана, решила спасти племянницу. Она сказала послу: «Я слышала, что Государь любит красивых, моя же племянница некрасива... Кроме того, девица лежала в оспе, и нельзя с нее писать портрет, ибо больна она сейчас...»

Писемский согласился ждать, пока Мария выздоровеет.

Елизавета задала ехидный вопрос: «Правда ли, что жена Государя, как мы слышали, родила сына?» (Мария Нагая действительно родила — царевича Дмитрия.)

Писемский ответил по инструкции: «Вздорным речам не верьте».

Посла попытались отвлечь охотой и всякими соблазнами, но он был непреклонен — он должен был увидеть невесту и привезти портрет, ибо знал, чем кончается неисполнение царских желаний. Королеве пришлось показать Марию упрямому русскому. «Высока, тонка лицом, глаза серые, волосы русые», — в восторге отписал Писемский Ивану.

Но Елизавета решила закончить комедию. Вместе с Писемским, увозившим желанный портрет, в Москву был отправлен английский посол — объяснить жениху, что Мария его недостойна, что она «очень больна по грехам ее, да и в вере своей не согласна перемениться» и потому не может принять ни православия, ни предложения царя...

Великая трагедия вскоре заслонила матримониальные заботы. Иван убил собственного сына. Страшнее возмездия быть не могло.

Рассказ о том, как Иван в порыве гнева смертельным ударом посоха сразил любимого сына, — легенда. Иван не просто убил — он убивал... Боярин Борис Годунов, который пытался вмешаться, был весь изранен, а сам царевич несколько дней болел после зверского избиения и только потом умер. Вскрытие могилы это подтвердило: череп молодого Ивана был так разбит, что восстановить лицо оказалось не под силу Герасимову.

Это зверское избиение опровергает известную версию, будто убийство случилось из-за пустячной ссоры: царь сделал замечание жене Ивана за неподобающий туалет, сын вступился, а отец в припадке ярости ударил его... Чтобы так убивать, нужны были серьезные мотивы.

Впрочем, из того глухого времени дошли до нас иные версии — о них писали современники. Постоянный маниакальный страх, владевший деспотом, заставил его подозревать даже сына. Царя пугало, что сын так похож на него, что смеет он осуждать сдачу Полоцка и даже хочет возглавить войска в Ливонии. Он уже носил в тайниках души ужасную мысль: его сын замышляет против него...

И оттого ничтожный повод — ссора из-за жены — вызвал бешеный гнев.

Кровь покорно умирающего сына вернула несчастного царя к реальности: его безумие оставило страну без наследника. Младший сын Дмитрий лежал в колыбели, а на трон после него теперь должен был сесть второй сын Федор — жалкий карлик с «семейным» крючкова-тым носом...

Теперь он видел убитого сына во сне, просыпался с мыслью о нем, кричал и плакал.

Таково было Божье наказание.

Он объявил, что править более не хочет и пострижется в монахи. Но наученные прошлыми играми царя-актера бояре ему не поверили. Умные придворные дружно кричали: «Нет, нет — хотим тебя царем!» И он остался...

На закате жизни, в 1583 году, ему удалось услышать и радостное: он сумел пережить своего врага — Курбский умер за год до его смерти.

Князь Андрей жил в большой печали в Польше. Женился, но радости все не было: он тосковал по Руси... Как сказал польский поэт:

«Родина — как здоровье: когда она есть, ее не ценишь».

В том же году отряды казаков под водительством атаманов Ермака Тимофеевича и Ивана Кольцо заняли столицу сибирского хана Кучума. К Московскому царству присоединилась Сибирь. Он пожаловал Ермаку дорогую броню с золотым орлом, но будто прокляты был царский подарок — в этой тяжелой броне и утонул Ермак Тимофеевич...

В 1584 году пришла смерть за Иваном. Он вдруг весь распух, и внутренности у него начали гнить. Но и на смертном одре он продолжал свое актерство, эти «карамазовские» выходки... Недаром Достоевский так внимательно читал историю грозного царя.

Накануне его смерти жалкий и очень добрый сын Федор послал жену свою утешить отца на смертном одре. И летописец расскажет: «Она в ужасе бежала от царского сладострастия».

Как хохотал Иван, представляя постное лицо сына-святоши, которого он жалел... и ненавидел.

В это время над Москвой появилась комета — вечная предвестница смерти кесарей. И он понял: умрет. Но все цеплялся за горестную свою жизнь. Во дворец были собраны астрологи, но и они предсказали смерть Государя.

Однако 17 марта наступило облегчение. Он принял ванну и сел за шахматную доску с верным Богданом Вельским. Царь уже подумывал о казни лжецов астрологов, когда внезапно его настиг удар...

Митрополит свершил последний обряд над потерявшим сознание Иваном. Согласно его же желанию, грешный царь был пострижен в монахи.

Его тело облекли в одежды схимника. В мир иной Иоанн Грозный отошел смиренным монахом Ионой.

Но даже видя царя бездыханным, бояре все медлили объявить о его смерти. Боялись: а вдруг это очередное испытание, придуманное царем, вдруг он снова «обрадует» их своим воскрешением? И начнется расправа...

Он был Грозным и после смерти.

Были и иные слухи: будто царь был отравлен уставшими от его злодейств боярами.

Вскрытие гроба не подтвердило, но и не опровергло версию убийства. В останках царя было сильно повышено содержание ртути,

но это могло быть результатом приема лекарств против дурной болезни, от которой, возможно, и сгнил грешный царь...

УЧЕНИК

В 1953 году, также в марте, умер тот, кто написал о нем: «Учитель».

Недаром написал Сталин это слово. Он странно повторил судьбу деспота. Так же, как у Ивана, у Сталина умерла любимая жена. Так же, как Иван, он возложил ее гибель на «кремлевских бояр». Только Иван был убежден, что жену извели ядами, Сталин же верил, что враги его отравили сознание жены клеветой на мужа, довели до самоубийства...

Так же, как Иван после смерти жены, он задумал великую расправу с «боярами», чтобы так же, на страхе и крови, создать Державу. Ибо, как и Иван, он верил: только абсолютное самодержавие должно править его народом. И, как Иван, Сталин поставил уничтожение врагов на самообслуживание — одни убивали других, чтобы вскоре самим разделить их участь.

И тактику игр Учителя-актера он применял — и часто. В первые дни войны, когда его войска откатывались к столице и он испугался бунта соратников, Сталин, как Иван накануне Опричнины, вдруг исчез из Москвы — чтобы его «бояре» поняли, как они беспомощны без «царя», и сами пришли на поклон, и просили его вернуться. И они пришли, просили, умоляли...

И так же, как Иван, незадолго до смерти, в дни последнего для него съезда партии он попросил отставку. И так же перепуганные соратники, «осознавая смертельную опасность», единодушно кричали: «Нет! Нет! Просим остаться!»

И так же, как Иван, он чувствовал перед смертью параноический страх и безумное одиночество. «Даже чаю выпить не с кем», — сказал он о себе...

Сталин как будто и вправду был неким перевоплощением страшного царя. Умирая, он загадочно поднял руку, будто «погрозил всем нам», как напишет его дочь Светлана. И рука Ивана Грозного при вскрытии его гроба оказалась таинственно поднята вверх. Герасимов считал, что это была часть погребального обряда, исчезнувшего во тьме веков и, возможно, что-то означавшего...

И так же вскоре после смерти Сталина начались слухи — те же, что после смерти его Учителя: убили...

НАКАНУНЕ ПОТОПА

Когда Иван умер, он оставил великую бескрайнюю державу. Оставил он и нищее закабаленное крестьянство — как всегда на Руси, мужик и земля заплатили за все его войны.

Это была мощная деспотия: Страх и Повиновение царили внутри великой державы. Но уже вскоре великое его государство потонет в Смуте.

Впрочем, англичанин Флетчер, приехавший на Русь сразу после смерти Ивана и заставший там еще могучее государство, отчего-то предрекал, что непременно возникнет здесь вскоре гражданский пожар. И Курбский в одном из писем царю писал: «И обгаренный христианской кровью, погибнет весь дом твой».

И мудрейший Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, раздумывая о причинах падения великого государства, обращался ко временам Ивана. В его правлении отыскал он причину, породившую Смуту: «Безумное молчание людей, не смеющих глаголити истину своим царям...»

И дьяк Иван Тимофеев, и князь Катырев-Ростовский в Ивановы времена глядели, ища корни Смутного времени.

«Мучитель» — так звали они царя Иоанна Васильевича.

Кстати, и грозный Ученик грозного царя, говоря о причинах Смуты, обращался к царствованию Учителя: Сталин считал, что его любимый царь «недорезал до конца» мятежных бояр...

Дорезал! До того дорезал, до того довел Иван свою «селекцию топором», что остались вокруг трона одни жалкие молчальники, способные лишь к подковерной борьбе, забывшие навсегда, что такое достоинство, могущие лишь угодничать и предавать, предавать...

И наследники эти доведут страну до такого срама, такое разрушение государства устроят, что страшные Ивановы времена покажутся людям благодетельными. И уже в XVII веке кровавого царя будут звать «Благочестивым, Храбрым» и почтительно — «Грозным».

Но история, как говорил русский писатель, «памятливей людей». История запомнит — «Мучитель»...

